Л.В. Шапошникова

Космизм Серебряного века в России

философии Живой Этики мы находим описание главных законов Космоса. Среди них один важнейший для космической эволюции закон – Высшее ведет в эволюции низшее. Без Высшего у низшего нет возможности к развитию. Земля, без сомнения, находится среди низших космических тел, являясь всего лишь пространством третьего измерения. В истории человечества мы можем проследить виды Высшего вторжения в эволюцию Земли. Учения и Великие Учителя, принадлежавшие к космической Иерархии, были главными в этом вторжении. Деятельность Учителей наряду с многими другими тенденциями имела главную цель – изменение сознания людей, населяющих планету Земля. Такие Учителя, как Будда, Христос, Мухаммед, меняли своими учениями сознание многих людей Земли. Каждый раз, согласно особенностям эволюции, возникали соответствующие формы творчества Высшего. И почти в наши дни, в конце XIX и начале XX века, мы получили возможность наблюдать этот эволюционный процесс на нашей планете.

Ситуация, которая сложилась к тому времени, была трудной. В космических масштабах шла острая борьба между Светом и тьмой, результаты которой решали многие проблемы космической эволюции. Для Земли это было творение нового сознания, которое называлось космическим. Подобный процесс имел немало препятствий на нашей планете, он требовал правильного выбора времени и пространства. В этом случае пространством была Россия, а время оказалось нашим. Многие еще живущие сегодня люди могли наблюдать этот процесс лично.

Исторически и космически сложилось так, что именно Россия оказалась первым пространством нового сознания. В истории это пространство и время получили название Серебряного века России. Процесс формирования нового сознания захватил в первую очередь области культуры, такие как философия, наука, искусство и религиозный опыт. Активизация этих направлений может быть названа Духовной революцией. В процессе Духовной революции в России Высший мир Космоса сформировал целую группу творцов на планете Земля, через которых главная задача Космической эволюции получила свою реализацию. Как бы то ни было, любые шаги Космической эволюции идут через человека. Но эти личности должны были обладать рядом качеств, которые соответствовали целям, поставленным Космической эволюцией планете Земля. Эти личности со временем получили название космистов. Группа была сравнительно небольшой, я выбрала из них лишь семь человек,

вместе с остальными составляли ядро Духовной революции в России. Вот их имена: В.С. Соловьев (1853–1900), А.Н. Скрябин (1871–1915), Н.К. Рерих (1874–1947), К.Э. Циолковский (1857–1935), М.К. Чюрлёнис (1875–1911), Е.И. Рерих (1879–1955), А.Л. Чижевский (1897-1964).

Все эти личности обладали высокой духовностью и несомненно являлись представителями Света в борьбе с тьмой. Они были истинными творцами, имели глубокое и серьезное образование и прекрасные профессиональные навыки. Многие были одновременно философами, учеными, художниками, поэтами, композиторами. В своем творчестве они обгоняли свое время. Большинство были пророками, которые четко и верно чувствовали и видели будущее. Они были связаны с Высшей материей Космоса. В их внутреннем мире непоколебимо жило двоемирие, или жизнь земная и Высшая.

Их жизнь на нашей планете была суровой и тяжелой. Их творчество было пронизано космическими идеями. Каждый из них был очень талантлив, а иногда просто гениален. У каждого была своя роль в Духовной революции. И эта роль была определяющей в пространстве этой революции. Иномирное происхождение этих личностей ощущалось тонко чувствующими людьми. Мысли и идеи этой космической группы России опережали не только время, но и сознание ученых. Такой процесс мы наблюдаем и сегодня. Российские космисты в качестве примера для остальных использовали космическую точку зрения Циолковского в своих исследованиях.

Но вместе с тем необходимо дать конкретную характеристику каждому из семи космических вестников, сыгравших важнейшую роль не только в самой Духовной революции, но и в эволюции планеты Земля. Каждый из них внес свой большой вклад в российскую культуру. Их наследие, которое до сих пор толком не изучено, необходимо исследовать. Без этого невозможно ставить проблему нового сознания, новой науки, нового мира и нового человека. Иными словами, продвигать выше нашу эволюцию.

Владимир Сергеевич Соловьев

ервый философ, поэт, ученый. Не ошибусь, софом, основателем отечественной космической

имевших довольно яркие требуемые качества. Они мысли. «В нем была какая-то воздушность, - писал крупнейший русский философ Н.А. Бердяев, – оторванность от всякого быта. Не из земли он вырастал, не был он ни с чем органически связан, не имел корней в почве. Он нездешний, пришелец из миров иных, всем почти чужой, ничему и никому не близкий кровно. По духу лишь знал он родство, а не по плоти и крови»¹.

> У него было два ученика – большой поэт А.А. Блок и не меньший философ Е.Н. Трубецкой. Евгений Николаевич отмечал: «Кому случалось хоть раз в жизни видеть <...> Владимира Сергеевича Соловьева - тот навсегда сохранял о нем впечатление человека, совершенно непохожего на обыкновенных смертных. Уже в его наружности, в особенности в выражении его больших прекрасных глаз, поражало единственное в своем роде сочетание немощи и силы, физической беспомощности и духовной глубины»². Трубецкого поражало в облике философа присутствие того инобытия, которое было замечено Блоком в первую же его встречу с Соловьевым. Оно было настолько ярко и глубоко выражено во внутреннем мире Соловьева, что отражалось даже на его внешности, поведении и отношении к окружающим.

> «Он, живший в постоянном соприкосновении с миром иным, - писал Трубецкой, - обладал совершенно исключительной чувствительностью к пошлости окружающего. Эта пошлость давила его, как кошмар»³. Эмоции, которые возникают у земного человека от увиденного им во сне или во время видения, кратковременны и нередко вскоре забываются вместе с образами, представшими ему. У Соловьева все было не так. Мир иной был его миром, родным ему, его опорой; сознательную связь с ним не смогло разорвать даже пространство плотной материи. И неудивительно, что этот мир был для него «тяжелым сном», населенным «толпой немых видений».

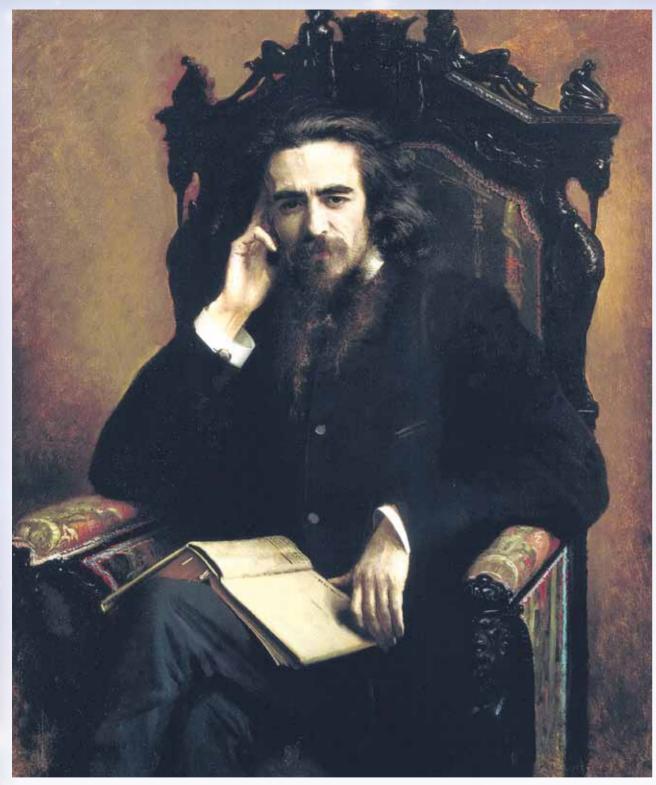
> Трубецкой назвал способность Соловьева уходить сознательно в свой, иной мир «горним настроением». «Как бы то ни было, – писал он, – с этим горним настроением Соловьев должен был жить с нами среди равнины: он или возносился над нею в свободном полете вдохновения, или негодовал, боролся, обличал ее плоскость и пошлость, или же, наконец, над нею смеялся, шутил; но так или иначе, он всегда над нею возвышался. В нем было причудливое сочетание мистического философа-поэта, пророка – обличителя неправды и... балагура» ^{4} .

¹ Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // О Владимире Соловьеве: сб. ст. Томск: Водолей, 1997. С. 97.

² Трубецкой Евг., князь. Личность В.С. Соловьева // О Владимире Соловьеве. С. 44–45.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 49.

И. Крамской. Портрет философа Владимира Соловьева. 1885

в первую очередь духовно. Такое окружающими не прощается. То, что в Соловьеве соединилось сознание двух миров, ставило его в ряд феноменальных явлений века. Соловьев был предтечей будущих эволюционных изменений не только как мыслитель, но и как личность, уже несущая в себе эти изменения. Он был тем, в ком физи-

Он был выше многих не только физически, но чески и духовно реализовался синтез художника, святого и философа.

> В нем в единой целостности существовали духовный подвижник, непосредственный свидетель Высшей реальности, творец-поэт, который мог сам описать увиденное и услышанное, и, наконец, мыслитель, который мог философски объяснить Инобытие и его эволюционную роль в истории

человечества. Его философия складывалась не из софии Живой Этики эти понятия связаны с Мазнания, почерпнутого из книг других мыслителей, как это бывало часто до него (и бывает до сих пор), а из собственного глубочайшего духовного опыта. Святой, поэт и философ слились в одной личности и образовали тот удивительный эволюционный сплав, который можно назвать космическим синтезом и без которого ни о новом творчестве, ни о Новом человеке и речи быть не может. В лице Соловьева эволюция представила нам все те важнейшие качества, которыми должен обладать Новый человек грядущей эпохи. Первый истинно русский философ, намного опередивший свое время, он заложил основы духовной философии Серебряного века и символистской поэзии, без которых не смогла бы состояться Духовная революция в России.

В конце XIX века Россия оказалась свидетелем явления Странствующего Рыцаря, или Культурного Героя, о каком многие народы в течение тысячелетий слагали мифы и легенды. Культурные герои появлялись в переломные моменты человеческой истории, чтобы придать ей энергетический импульс и принести в мир то, что необходимо человечеству в данный период его Космической эволюции. Соловьев пришел в Россию, чтобы сказать о предстоящих космических сдвигах. Он принес Весть о богочеловеке и определил его место в пространстве Космической эволюции. Он указал на значение иных миров в жизни и творчестве земного человека.

Знание Соловьева носило глубоко профетический характер. Еще в 1889 году он утверждал: «Ближайшее будущее готовит нам такие испытания, каких не знала история»⁵. И он оказался прав. Философ-пророк, он связывал дальнейшее эволюционное развитие и восхождение человечества с неминуемыми катастрофами, страданиями и бедами, которые обычно сопровождают очередное

Основой учения Соловьева о богочеловеке было Преображение. Но процесс Преображения предполагает необходимую связь с Высшей материей Космоса. «Отдельные лучи и отблески божественного мира должны проникать и в нашу действительность и составлять все идеальное содержание, всю красоту и истину, которую мы в ней находим»⁶. Таким божественным лучом, содержащим в себе «всю красоту и истину», явилось учение Соловьева о женском начале, Вечной Женственности, Софии, или Мировой Душе. В фило-

терью Мира, сложной философско-исторической категорией, имеющей важнейшее эволюционное значение. О Вечной Женственности писали последователи Соловьева, философы и поэты Серебряного века. Это было дуновение Космической эволюции, которое донеслось из Инобытия и с которым Соловьев соприкоснулся не умозрительно или теоретически, а реально, начиная с самого раннего возраста, и пронес это через всю свою жизнь. «Он заранее видел землю преображенною и одухотворенною»⁷.

«Взор его, окрыленный таинственным видением, – писал Владимир Эрн, – проникает за грани истории, за все пределы греховной, земной жизни» ^{8} . И еще: «...Соловьев всем организмом, т.е. ∂y хом, умом и телом одновременно, видел иную действительность с ясностью, которая превосходит решительно все "интуиции" великих философов и ставит Соловьева непосредственно наряду с божественным Платоном»⁹.

В жизни Соловьева были два момента, свидетельствующие о его высоком космическом статусе. Первый – это зов Индии. Но его жизнь сложилась так, что он не сумел в нее попасть. И второе очень важное событие – он стал получать прямую информацию из Высшего источника.

Последнее, о чем нужно сказать, - Соловьев был основателем космического сознания в России Серебряного века. Но Россия и после этого века отнеслась по-разному к такому сознанию.

Александр Николаевич Скрябин

🖊 азалось, что Скрябин пришел в этот мир **П** для того, чтобы показать, что есть музыка и какова ее космическая суть. Он сам был музыкой, ее олицетворением, ее творцом. Выражение Бальмонта «звенящий эльф» очень точно определяет не только гениальную сущность Скрябина в пространстве музыки, но и его, если можно так сказать, иномирную принадлежность. Его часто называли новатором. Но фраза Рериха, употребленная по отношению к Чюрлёнису, - «он не новатор, но новый», - относится также и к Скрябину. Влияние Скрябина на мир музыки XX века было мощным и всепроникающим.

Формальная канва его жизни ни о чем особенном не свидетельствует. И лишь мнения современников о великом музыканте да его музы-

⁵ Цит. по: Трубецкой Евг., князь. Владимир Соловьев и его дело // О Владимире Соловьеве. С. 86.

⁶ Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. С. 148.

⁷ Трубецкой Евг., князь. Владимир Соловьев и его дело // О Владимире Соловьеве. С. 80.

⁸ Эрн Вл. О Владимире Соловьеве // О Владимире Соловьеве. С. 125.

⁹ Там же. С. 121.

ка раскрывают необычность скрябинской жизни, ее направление и ее устремления. «Я не знаю в новейшем искусстве никого, в ком был бы такой исступленный творческий порыв, разрушающий старый мир и созидающий мир новый. Музыкальная гениальность Скрябина так велика, что в музыке ему удалось адекватно выразить свое новое, катастрофическое мироощущение, извлечь из темной глубины бытия звуки, которые старая музыка отметала. Но он не довольствовался музыкой и хотел выйти за ее пределы» ^{10} , – писал Н.А. Бердяев в 1918 году.

И Бердяев, и Вячеслав Иванов каждый посвоему отметили важнейшую черту творчества гениального композитора – его космичность. Идя в полной гармонии с ритмом эволюции, неся в себе ее особенности, Скрябин был одним из столпов российской Духовной революции. Революционность всего его творчества не подвергается сомнению, так же как и адекватность этого творчества главным направлениям нового мышления XX века.

Творчество Скрябина было наполнено космическим мироощущением, идеями Нового Мира и Нового человека. «Я не могу, – утверждал композитор, – выйти из сферы моего, включенного в мой мозг, сознания». Он приходит к выводу: творческой деятельностью этого сознания»¹¹. У него было ярко выраженное ощущение своей причастности к вселенскому творчеству, словно сам он весь был этим творчеством, которое не существовало без Высшего начала, и сам становился этим началом. «Я существо абсолютное. Я Бог»¹², – утверждал он. И это ощущение себя Богом-творцом подвигло его на творческие деяния в деле Преображения мира и человека. Он оказался на вершине теургии – «богодейства».

повлияли идеи индийской философии Бхагават-Гиты, Упанишад, а также взгляды Ауробиндо Гхоша и Рамакришны. Он ставил проблему Преображения, стремясь открыть глаза тем, кто еще не осознал своей причастности к Высшему, в Мироздании, и на причастность человека к ним, на величие человека в будущем. С этой высоты он видел и ощущал не только земной мир, но и миры иные, с которыми он общался без особых усилий, как бы существовал в них и понимал прекрасно их

Всю Вселенную, по его убеждению, объединяет первозданная музыка и Красота искусства. Скрябин был межзвездным скитальцем, чья внутренняя вселенная вмещала в себя ту огромную Вселенную, которую мы наблюдаем как бы извне. Она состояла из материи различных состояний. В ее вибрациях звучала музыка и струился творящий свет. И музыка Скрябина, звучавшая в его внутренней вселенной, открывала перед ним бесконечный мир иной Реальности. Там, в таинственных глубинах самого существа композитора, звучали Беспредельность и лучезарная песнь Космической эволюции, которая безошибочно вела его по пути творящего Духа.

Космическая Красота слышалась в его «Божественной поэме», в «Поэме экстаза», в «Прометее» («Поэме огня»). Его музыка несла на Землю новое космическое мироощущение, в ней звучали Тонкие и Огненные Миры и рождалась энергетика Нового мира, Новой эпохи, которая была заповедана Земле эволюцией. Огненная философия его музыки звуком и светом формировала на Планете то энергетическое пространство, которое было необходимо для Нового мира и Нового человека. Это была энергетика духовного Преображения, излучавшая Свет горы Фавор.

«Фактически, - отмечает А.И. Бандура, -«Весь воспринимаемый мною мир может быть с 1903 года Скрябин жил в иной Реальности, в ином мире, ставшем для него, по словам Б.Ф. Шлецера, "столь же несомненным, как всем нам видимый мир". Философские записи Скрябина отражают стремление гениального музыканта осмыслить то, что происходило с его сознанием, научиться "ориентироваться" в новом, открывающемся его духовному взору мире» ^{13} .

Он искал выхода своим иномирным открытиям не только в музыке, но и в определенном художественном действе, где, как он предполагал, На его мировоззрение в значительной мере в одно целое сольются музыка и свет, поэзия и мысль, искусство и архитектура. Это действо он назвал Мистерией Преображения, смысл которой состоял в коллективном, соборном действии – в соединении миров различных состояний материи. Мистерия, по его замыслу, носила Космичена грандиозные космические процессы, идущие ский характер и должна была пролить на землю поток энергетики иных миров, без которой невозможно эволюционное восхождение человечества и преодоление им Пути Творящей Красоты в движении к Новому миру. Для Мистерии он решил построить сферический Храм, в центре котороэволюционное значение для плотного мира Земли. го должна была творить преображающая мысль

и обратить его внимание на пути достижения та-

Того, Кто нес в себе эту иномирную Реальность.

В этом мистериальном действии он, композитор

и художник, должен был уподобиться Богу-твор-

цу, но не противостоять последнему, а быть ведо-

мым его рукой в полной гармонии и сотрудниче-

с ней, – писал он. – Вокруг этой центральной фи-

гуры построено все остальное. <...> Центральное

переживание как бы излучает вселенную в формах

времени и пространства. <...> Действительность

представляется мне множеством в бесконечности

пространства и времени: причем мое пережива-

ние есть центр этого шара бесконечно большого

радиуса»¹⁴. По замыслу композитора, сфера Храма

«Я <...> хотение стать истиной, отождествиться

кого Преображения – на Высшие Миры и Красоту. То и другое было сплетено в скрябинской Мистерии в одно великое целое. Новый мир, зарницы которого были едва видны в двадцатом столетии, послал к нам своих Вестников, своих «кочевников красоты». И Скрябин, несомненно, был одним из них. Его Мистерия, которая одним казалась развлекательным зрелищем, а другим - капризом гения, на самом деле не была ни тем, ни другим. Ее философскую и эволюционную суть нам еще предстоит осмыслить. И чем больше времени будет проходить с момента появления замысла Мистерии, тем яснее и ярче в космических просторах будет вырисовываться теургичность задуманного гениальным Скрябиным действа.

Мистерии не суждено было свершиться. Ранняя, загадочная смерть композитора остановила жизнь «на скаку».

Вячеслав Иванов тем не менее считал, что вся скрябинская музыка последнего этапа его творчества и есть то «предварительное действие», в котором Скрябин запечатлел «совершившую-

Александр Скрябин и Татьяна Шлецер. Брюссель, 1909

должна была в сознании участников превратиться в большую Вселенную. Замыслом Мистерии Скрябин опередил свое время на много лет, а может быть, и веков. В лице гениального композитора эволюция стремилась показать человечеству пример Преображения

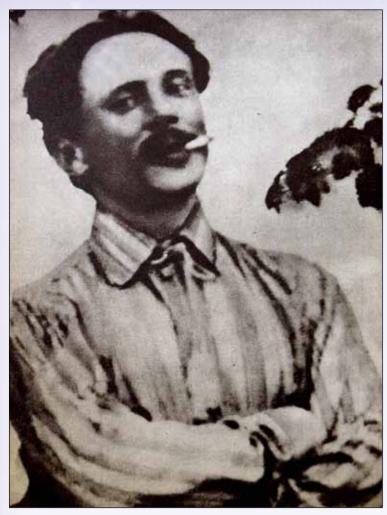
¹⁰ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М.: Искусство, ЛИГА, 1994. Т. 2. С. 402.

¹¹ Цит. по: Бандура А.Й. Иные миры Александра Скрябина. М.: Ирис-пресс, 1993. С. 8.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же. С. 12.

¹⁴ Цит. по: Бандура А.И. Иные миры Александра Скрябина. С. 12.

М.К. Чюрлёнис

ся полноту времени и рождение нового человека»¹⁵. Оценивая его роль в духовной жизни России и Планеты, Иванов писал, что Скрябин есть «одно из важнейших свидетельств знаменательного переворота, совершающегося в духовном сознании современного человека, огромное событие в обшей жизни духа»¹⁶.

Николай Константинович Рерих высоко ценил музыку Скрябина и то, что тот совершил в своей земной жизни. Он был единомышленником композитора. Оба они намечали планы творческого сотрудничества. Много лет спустя, в Индии, о которой так дерзновенно мечтал Скрябин, Рерих писал: «Известны широкие взгляды Скрябина. Предполагалось наше сотрудничество по инсценировке его симфоний. Ничтожная неосторожность вызвала отравление и унесла композитора в самый расцвет его творческих сил. Одна из самых безвременных потерь»¹⁷.

Микалоюс Константинас Чюрлёнис

Пюрлёнис, выросший в Литве, принадлежал не только всей России, он был явлением мирового масштаба. Художник, музыкант, поэт и философ, он нес в себе целую эпоху мировой культуры и был, думаю, первым, кто в начале XX века показал путь Новой Красоты, пройдя через мучительный поиск, выводящий на космические просторы иных миров. Он прошел по «тропе святой» туда, где творчество космическое соприкасается с земным, где человек-творец открывает дорогу к сотрудничеству с Высшим, становясь теургом в полном смысле этого слова.

Из письма Чюрлёниса брату (1905): «Последний цикл не окончен. У меня есть замысел рисовать его всю жизнь. Конечно, все зависит от того, сколько новых мыслей будет у меня появляться. Это – сотворение мира, только не нашего, по Библии, а какого-то другого – фантастического. Я хотел бы создать цикл хотя бы из 100 картин. Не знаю – сделаю ли» 18.

Вот этот «какой-то другой» мир год от года все ярче и определенней проявлялся на полотнах художника.

В нем жил синтез искусств и мысли, соединивший в одно целое музыку, художество, слово и глубокую философию. В нем существовали два мира – земной и тот, иной, Красота которого звучала на его полотнах. Придя к живописи уже зрелым человеком, он совершил в ней революцию, которая не сразу была понята и осознана его современниками и до сих пор, полагаю, до конца не осмыслена потомками тех современников. Он изменил в человеческом сознании соотношение миров и снял с иного, тонкого мира пелену, мешающую видеть его реальность. И в этом заключалась удивительная магия чюрлёнисовских картин, их необычная притягательность, ибо там, в их глубинах, зарождалась и светилась Новая Красота – Красота иного, не видимого обычным глазом мира, но проявленная кистью гениального художника и тонкого музыканта. Музыка и живопись, слившись в искусстве Чюрлёниса, дали неожиданные и звучащие нездешние краски и формы, которые мы видим на полотнах художника. Тонкая энергетика этих картин позже оплодотворила творчество целой плеяды удивительных и необычных художников, адептов и создателей Новой Красоты, прорвавшейся в наш мир вместе с аккордами музыки Чюрлёниса. И как значительно и знаменательно то, что именно музыкант, композитор стал первооткрывателем этой Новой, тонкой Красоты, ее высоковибрационной энергетики, подтвердив тем самым роль музыки в эволюции творчества человека и показав ее причинную суть в этом творчестве.

«Искусство Чюрлёниса, – писал один из исследователей его творчества Марк Эткинд, – словно романтический полет в мир чистой и светлой сказки. Полет фантазии в просторы космоса, к солнцу, к звездам<...>.

Во всей мировой живописи произведения этого мастера занимают особое место. Музыкант и художник, Чюрлёнис сделал попытку слить воедино оба искусства: лучшие его произведения волнуют именно своей "музыкальной живописью". И если охватить творчество художника целиком, единым взглядом, оно предстанет своеобразной живописной симфонией» 19. Он слушал тихие шепоты звезд, и в нем созревали образы, у которых, казалось, не было ни времени, ни пространства. В наспех записанных словах прорывались мысли о собственном предназначении, о тайне своей миссии. И на его полотнах появлялись нездешние сюжеты, возникали похожие и непохожие на наши, странно утонченные формы древних миров, земных и в то же время неземных, бушевали потопы, уходили под воду материки, сверкали на скалах неведомые письмена, на головах людей качались короны из нездешних золотых перьев, проплывали в прозрачной мгле башни и древние стены, с плоских крыш храмов поднимался ввысь дым жертвенников, и в небе светились незнакомые нам созвездия.

Мир же, в котором существовал сам художник, не был похож на тот, который возникал под его волшебной кистью на уникальных картинах. Два мира: один – грубый, осязаемый, другой – похожий на сон, тонкая материя которого легко поддавалась воле и замыслу художника-творца. Он жил в первом, но нес в себе богатство второго.

Он увлекся астрономией, космогонией, индийской философией и особенно творчеством великого поэта и мудреца Индии Рабиндраната Тагора. У Чюрлёниса был не только музыкальный слух, но и цветовой. И тот и другой были

мы, которые мы видим на полотнах художника. Слиты воедино. Когда он слушал музыку, у него Тонкая энергетика этих картин позже оплодотворила творчество целой плеяды удивительных и необычных художников, адептов и создателей и всепроникающ.

Николай Константинович Рерих, одним из первых высоко оценивший Чюрлёниса, много лет спустя писал: «Трудна была земная стезя и Чюрляниса. Он принес новое, одухотворенное, истинное творчество. Разве этого недостаточно, чтобы дикари, поносители и умалители не возмутились? В их запыленный обиход пытается войти нечто новое — разве не нужно принять самые зверские меры к ограждению их условного благополучия?

Помню, с каким окаменелым скептицизмом четверть века назад во многих кругах были встречены произведения Чюрляниса. Окаменелые сердца не могли быть тронуты ни торжественностью формы, ни гармонией возвышенно обдуманных тонов, ни прекрасною мыслью, которая напитывала каждое произведение этого истинного художника. Было в нем нечто поистине природновдохновенное. Сразу Чюрлянис дал свой стиль, свою концепцию тонов и гармоническое соответствие построения. Это было его искусство. Была его сфера.

Иначе он не мог и мыслить и творить. Он был не новатор, но новый ^{20} .

И эта последняя рериховская фраза — «не новатор, но новый» — открывает тайну искусства Чюрлёниса более точно и убедительно, нежели целые тома исследований о нем. Он был новый, принесший в мир Новую Красоту, и, как многие такие же, не был понят этим миром.

Весть о Новом мире, о Новой Красоте содержалась в его творчестве. Для самого Чюрлёниса понятие вестника было глубоко философским, знаменующим собой непрерывность Космической эволюции человечества, несущей через своих вестников людям известие об ином, Новом мире. Чюрлёнис символизировал этот сложный эволюционный процесс «скамейкой вестников», которая никогда не пустует и на которой старых, уходящих, заменяют молодые, вновь приходящие.

Он сам был вестником, принесшим нам Новую Красоту нездешнего мира, не затуманенную тяжелой вуалью мира земного. И, освобожденная от этой тяжести, Новая Красота зазвучала тонкой музыкой Высших сфер и космическим ритмом, вливая в наш плотный мир новую, высоковибрационную энергетику, необходимую человеку для эволюционного восхождения.

 $^{^{15}}$ Цит. по: Памятники литературы и искусства. М., 1979. С. 104.

¹⁶ Там же. С. 103.

¹⁷ *Рерих Н.К.* Листы дневника: В 3 т. Т. 3. М.: МЦР, Мастер-Банк, 2002. С. 404.

¹⁸ Цит. по: Эткинд М.Г. Мир как большая симфония. Л.: Искусство, 1970. С. 35.

¹⁹ Эткинд М.Г. Мир как большая симфония. С. 5.

²⁰ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 2. М.: МЦР, Мастер-Банк, 2000. С. 36.

ют собой единое законченное и гармоничное полотно, несущее глубинные идеи Космической эволюции человечества. Все сложнее и глубже становятся сюжеты его картин, но Земля продолжает крепко держать его, и он никак не может от нее оторваться. И наконец властный зов инобытия преодолевает земные объятия и навсегда уводит художника в свое пространство.

Он пытался осмыслить закономерности, которые управляют человеком и Космосом, микрокосмом и макрокосмом, стремился ощутить ту главную силу, которая господствует в Мироздании. Сны и видения, которые поднимались из глубин его существа, выносили на поверхность образы, похожие на ребусы и загадки. Он ощущал в них властную руку Творца, или Короля.

«Окно» – картина знаковая на пути Чюрлёниса к Новой Красоте инобытия. В мрачные глубины не то подводного, не то подземного мира через окно льется нездешний золотой свет, осветляюувидевший это окно в мир иной, в мир золотого света и высокого безоблачного неба, уже подходил к чему-то очень важному, приближался к главному Перевалу своего творчества. Он взял этот Перевал, одолев роковую точку традиционного творческого нисхождения, и поднялся туда, куда уходил дух святых и подвижников. Он знал, что оттуда нет возврата, но только там он, художник, мог добыть волшебный цветок Новой Красоты, насыщенной нездешними формами и красками.

Вскоре появилось «Сотворение мира» – цикл картин, где Новая Красота звучала во всем ее богатстве и реальности.

С того момента Земля потеряла над ним власть. «Сотворение мира» было созданием истинного художника-теурга, принесшего на страдальческую Землю дар Новой Красоты инобытия. Она мощно ворвалась в культурное пространство России и планеты, но была или не замечена, или оклеветана теми, ради кого художник-творец ушел в свой путь без возврата.

холодного Хаоса начинает светиться тонким, сумеречным светом таинственная творческая точка, и свет ее постепенно разгоняет тяжелое темное ям о мире вообще. пространство изначального Хаоса. Из мрака, пресначала загадочные формы, затем – мощные слова, написанные по-польски: «Да будет!» - слова, в которые вложена вся воля Творящего. Над предвечными водами появляются сверкающие сферы, оттесняющие мрак Хаоса куда-то в пустоту, и возникают краски. В ритмах творимого мира начинает звучать музыка, в звуках которой рождаются

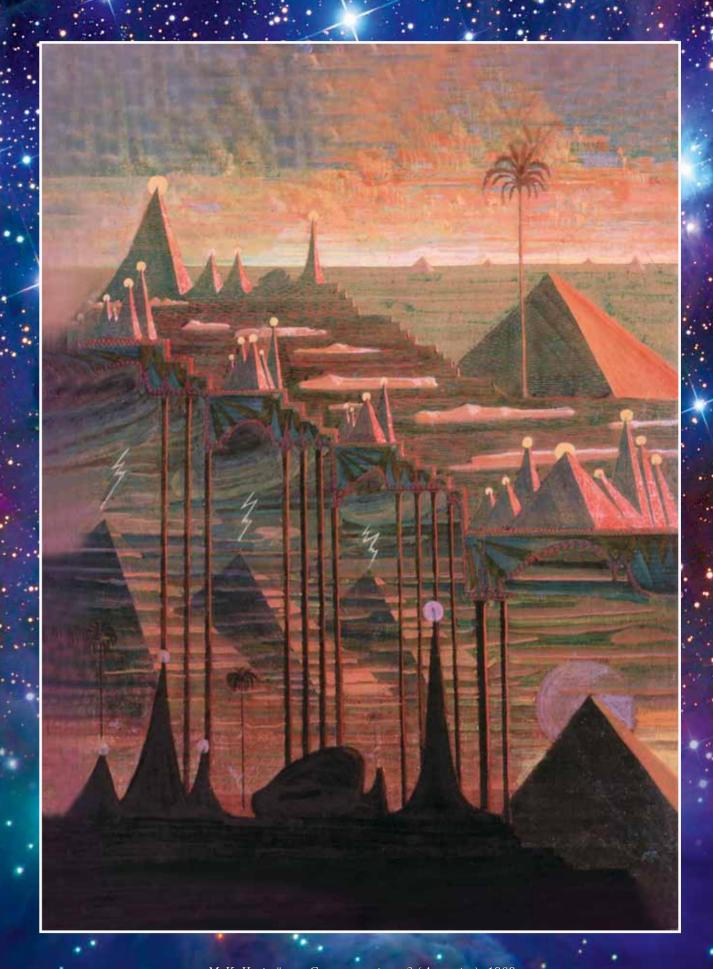
Созданные Чюрлёнисом картины представля- и светятся еще не устоявшиеся формы. Над горизонтом восходит розовое солнце, и мир вспыхивает небывалой Новой Красотой, похожей на диковинные фантастические цветы. Горят огненные краски, сверкают прозрачной белизной нездешние формы, полыхающие светы выстраиваются в органные аккорды. Этот мир еще не завершен, но он уже заявил о себе наступлением Новой Красоты. И с того момента на картинах Чюрлёниса не иной мир стал просвечивать сквозь земной, а, наоборот, земной – сквозь иной, тонкий мир. И это изменяло плотную материю Земли, она начинала светиться и облачаться новыми красками и оттенками.

> В пространстве Духовной революции произошел важнейший эстетический прорыв.

Затем появилась «Весть», где огромная птица неслась над бушующим нездешним миром, вслед за ней – «Вечность», затем «Искры» и, наконец, поразительный по своей иномирной красоте цикл «Зима», созданный Чюрлёнисом в 1906–1907 годах. Там красота земных форм органически слищий этот тяжелый хаотический мир. Художник, лась с Красотой инобытия, и стал светиться и искриться эфир тонких миров, преодолевающий земное измерение.

За три года земной жизни художник сумел создать на своих полотнах мир нездешней Красоты. Он пишет удивительные цветы, похожие на волшебство; тонкие, светящиеся города, над которыми несутся прозрачные всадники-вестники. Временами он уходит в прошлое, изображая исчезнувшие под землей и водой древние развалины. Его кисть ищет подтверждения деятельности космических циклов на Земле, отражающих подобные циклы инобытия. Время – прошлое, настоящее и будущее – представляет собой целостный процесс, без которого нельзя понять всего, что происходит на Земле и в Космосе. Нездешние Короли все чаще посещают его полотна, вызывая в зрителе недоумение, а иногда и отторжение. Современники, незнакомые еще с космическим мировоззрением, которое только начинало складываться, не могли понять, как они утверждали, фантазий не совсем нормального художника. Од-На первой картине цикла в кромешной тьме нако его картины беспокоили их, будоражили, и они интуитивно ощущали опасность, которая грозила их устоявшемуся миру и их представлени-

Но Чюрлёнис продолжал бестрепетно и неуквратившегося в темно-синее свечение, возникают лонно создавать свои «фантастические» полотна, нимало не смущаясь тем, что о них и о нем самом говорили окружающие. Он творил изысканную и прекрасную архитектуру городов тонких миров, и никому не приходило в голову, что здесь нет никакой фантазии и города, которые зрители видели на картинах Чюрлёниса, были так же реальны, как и земные, задымленные и грохочущие.

М.К. Чюрлёнис. Соната пирамид (Аллегро). 1909

В 1907 году он пишет еще один триптих – «Мой путь», своеобразный итог пройденного и наметки пути предстоящего. В нем мы видим образ духовного восхождения художника от земли к высотам Преображения. Там снова присутствуют реальность тонкого мира и его прозрачная Красота.

Картины Чюрлёниса привлекали своей музыкальностью и удивительным ритмом. Музыка звучала в формах, в цвете, в композиции. Она звучала в названиях картин – «Фуга», «Соната», «Прелюд». Музыка как бы сама творила, проходя через инобытие, через Новую Красоту Земли. Она звучала космическим мироощущением, рассказывала о затонувших городах Атлантиды, о жизни Солнца, о сотворении звезд, о древних неведомых земные пирамиды неуловимо становятся легкицивилизациях.

Музыкальные картины Чюрлёниса несли весть о богатстве и многомерности Мироздания, о взаимодействии малого и Великого времени, о возникновении и гибели миров, о преображении плотной материи, о влиянии на земные дела Света Высшего.

Художник не только увидел в земном пространстве таинство струящегося инобытия, но и сумел перенести это чудо на полотно и подарить

Сюжет трехмирия присутствует в целом ряде музыкальных картин художника. Особенно яркое выражение тема инобытия находит в «Сонате пирамид» и «Сонате звезд». Через условную музыку образов он стремится ввести эту тему в земную действительность, стараясь найти способ показать более сложное измерение. Мелодия иных, более Высоких миров «звучит» во многих «сонатах» Чюрлёниса.

В «Сонате пирамид. Аллегро. Скерцо» тяжелые ми, в них проявляется иная, тонкая Красота, хотя она еще чем-то напоминает земную. Пространство, связывающее «верхний» мир с «нижним», является как бы областью преображения материи, превращения ее в иное состояние, увенчанное Новой Красотой иномирных форм. Аллегро первой

М.К. Чюрлёнис. Жертва. 1909

картины незаметно переходит в скерцо второй, на Этикой. Но мы знаем, что художественное, образкоторой возникают те же пирамиды, но они уже несут более высокое состояние материи, которое несколько позже Живая Этика назовет огненным и в котором будет господствовать энергетика духа. В этом мире тонкие формы превращаются в фантастические светящиеся сооружения, частью похожие на растения, частью на высокие вершины слегка намеченных на горизонте снежных гор. Над этим миром огненной Красоты нездешнего Света стоит Солнце, возникшее как бы из малых солнц тонкого мира. Его лучи заливают сверкающее пространство неземных форм, тянущихся кудато вверх, где нет нашего обычного неба, нет линии горизонта, а все едино и целостно, все живет, и дышит, и поет свою песнь Света. Через темы аллегро и скерцо все три мира связаны между собой, все три взаимодействуют друг с другом, вырастая один из другого и затем таинственно и неуловимо возвращая друг другу золотые нити запредельной энергетики. Они – одно целое, и плотный мир несет в себе прообраз того Солнца, которое сверкает и лучится в Мире Огненном. Свет, который мы видим в разных мирах, отличающийся один от другого лишь своей интенсивностью, и музыка, от мира к миру меняющая свои вибрации, и есть та преображающая творческая Сила, которая ведет материю Космоса и человека по эволюционной лестнице восхождения от земной Красоты к иномирной, от Красоты, изживающей себя, к Красоте новой, нарождающейся.

Вячеслав Иванов называл Чюрлёниса ясновидцем невидимого. Так оно и было. Ибо никакая земная фантазия не смогла бы самостоятельно создать те миры, которые звучали, пели и сверкали лучезарными красками на полотнах гениального художника.

«Соната звезд», состоящая из двух частей – «Аллегро» и «Анданте», есть философская вершина его художественной мысли. На первой картине диптиха из быстрого и беспорядочного движения сверкающих звезд, светящихся туманностей и вращающихся сфер возникает конус энергетического эволюционного «коридора», увенчанный фигурой крылатого Творца. Одновременно с этим медленно и верно начинают двигаться по «коридору» вверх созданные им миры и человек (который так похож на самого Творца), для того чтобы, достигнув ног Rex'a, стать вровень с ним и продвигаться уже вместе с ним туда, где открывается новый «коридор», увенчанный новым, более высокого уровня Творцом. Чюрлёнис писал эту картину в 1908 году, когда еще ничего не было известно ни об эволюционной энергетике Космоса, ни о конусообразных эволюционных «коридорах». Это знание и проводящей мысли, опередившей своих соврев его научном изложении пришло только с Живой

ное мышление опережает философскую мысль.

Вторая часть диптиха, замедленное анданте, изображает сотворенную планету, вращающуюся в светящихся волнах Космоса, которые пронизывают пространство обеих картин, связанных между собой звездным поясом. По нему, как по заданной орбите, над Новым миром движется крылатая фигура – она объединяет в одно целое «Сонату звезд» с несколькими другими полотнами, такими как «Ангелы. Рай», «Ангел. Прелюд» и, наконец, «Жертва». Здесь возникает еще один философский пласт художественного творчества Чюрлёниса, связанного не только с Новой Красотой, но и с эволюцией самого человека.

Фигура стоит на краю ступенчатого алтаря, в зеркальных плоскостях которого отражается звездное Небо. Отражается, но в реальности не присутствует. Две струи дыма, белого и черного, одна из которых устремилась в Небо, а другая тяжело и неотвратимо оседает на Землю. И эта, другая, захватывает белоснежные крылья стоящего на алтаре, оставляя на них темные струящиеся блики и ложась на них черными, неумолимыми земными знаками. Здесь, на небольшом пространстве картины, совершается какое-то таинство, может быть самое главное со времен возникновения человека на Земле.

Земля и Небо. Вечное притяжение и вечное отталкивание, а между ними – хрупкий человек, такой, казалось бы, незначительный и слабый, но на самом деле сильный, способный соединить в себе это Небо и эту Землю и установить между ними необходимую им гармонию, сотворив ее прежде всего в себе самом. Картина биографична. Чюрлёнис сам был этой жертвой, потерявшей свои белые крылья на плотной земле.

Композитор Чюрлёнис создал «Поэму огня», под звуки которой и ушел из жизни Чюрлёнис. И в этом совпадении есть свое знамение, свой космический смысл...

Константин Эдуардович Циолковский

он уникальное явление в пространстве науки, философии и литературы. Он не кончал никаких институтов, не был причастен к Академии наук. Циолковский, как у нас говорят, был самоучка, он сам себя создал как великого ученого. А.Л. Чижевский, его единственный ученик, писал: «Под скромной внешностью учителя, тихого и доброго человека, скрывался громокипящий дух, безудержный полет творящей, созидающей менников и потому непризнанной вплоть до старости! Он умел дерзать. Не имея ни чинов, ни орденов, ни научных званий, ни ученых степеней, он был значительнее и выше многих своих современников, которые в него бросали камни...»²¹

И еще: «Личность К.Э. Циолковского с каждым днем приобретает все большее и большее значение в связи с тем, что его предвидения, его гениальная интуиция, его научные труды в области ракетной техники и космонавтики буквально покорили весь мир, и имя его стало именем нарицательным, как имена ученых, опередивших творениями свой век»²².

Так получилось, что жизнь Циолковского оказалась куда труднее и тяжелее, чем у других известных и великих людей России. Возможно, в такой его судьбе была заключена какая-то тайна, которая со временем откроется. Но это случится тогда, когда мы начнем пристально вглядываться в таких людей, размышлять об их творчестве и судить о них как о части единого великого Мироздания, несущего в своих сокровенных процессах информацию об этих уникальных личностях. Их эволюция до сих пор остается скрытой от нас, их предназначение и миссия – неизвестными. Скупые сведения о событиях жизни и поступках, корни которых уходят в невидимые глубины их внутреннего мира, до сих пор недоступны для постижения нами их реальной сути.

Он серьезно работал над космическими ракетами, но вопросы философии интересовали его не меньше ракет. Он нес в себе синтез науки и философии. Взгляды Циолковского на проблемы материи как таковой были тогда много шире, чем сейчас у наших современных ученых. Он утверждал, что без серьезного изучения космических процессов нельзя понять земные явления, познать их глубину и эволюционное значение. Саму науку Циолковский понимал шире, чем многие его коллеги, находившиеся в плену старых традиций и сложившихся в течение веков предрассудков. Мысль Циолковского, так же как и он сам, была свободна от всего этого, не отрицала ни одного знания и была устремлена в Космос как в пространство земной причины. Но его не хотели слушать, не желали принять его мировоззрение и старались отбросить все связанное с ним как ненужный хлам, лежавший на дороге в «светлое будущее». Для него же это светлое будущее было связано с Космосом, без которого он не мог себе представить ни науки, ни будущего человеческого общества. За шесть дней до своего ухода он написал письмо-завеща-

рости! Он умел дерзать. Не имея ни чинов, ни орденов, ни научных званий, ни ученых степеней, он хоть немного продвинуть человечество вперед»²³.

> Константин Эдуардович имел ряд уникальных особенностей, которые отличали его от коллег. Если они постигали Космос теоретически, то Циолковский нес его в глубинах своего внутреннего мира, что позволяло ему проникаться Космосом и чувствовать его всем своим существом. Космос был его частью, его мироощущением. Он был связан с ним не только информацией, но и образами, которые черпал в его глубинах и переносил в земную действительность. Придет время, и космические картины, которые возникали в его воображении, будут подтверждены теми, кто проникнет в бездонные и беспредельные глубины Мироздания. Его космические зарисовки охватывали огромное пространство, от картины Вселенной с ее процессами творения и разрушения и до картины, которую наблюдает космонавт из космического корабля. В эфирной пустоте, отмечал Циолковский, вечно светит Солнце. «Не затемняется оно облаками, не темнеет небо от туч, нет ночи, нет ни восхода, ни заката, ни зари, ни ослабления его света, ни усиления. Только повернувшись к нему спиной, мы его не видим. Тогда, в первый момент, кромешная тьма нас окружает. Мы совсем, совсем ничего не различаем, кроме невообразимого мрака. Но понемногу зрачок расширяется, глаз привыкает к тьме. Мы замечаем свечение собственного нашего тела; в тонких местах розовое, в более толстых – темно-красное. Затем мы видим кругом сферу с бесчисленными звездами. Сначала открываются только крупные звезды, потом они становятся ярче и появляются новые звезды; вот их больше и больше, наконец они серебряною пылью застилают все небо. Их так много, как мы никогда не видели на Земле. Там воздух мешал их видеть, распылял и уничтожал их свет. Здесь они кажутся совершенно неподвижными точками, не мигающими и не мерцающими, как на Земле. Они большею частью серебряные. Но, вглядываясь, видим звезды всевозможных цветов и оттенков, однако большинство серебряных. Фон черный, – черное как сажа поле с рассеянными кругом звездами всяких яркостей. Более яркие кажутся крупней. Иные сливаются в серебряную пыль, в туманное облако. Голубизны небес нигде не видно. Всюду однообразная чернота, траур без всяких оттенков. Нет глубокой синевы, близкой к черноте, нет ни голубизны, ни млечного вида горизонта»²⁴.

Можно утверждать: эффект присутствия очевиден в каждой такой зарисовке Циолковского. Это поражает и восхищает. Создается впечатление, что Константин Эдуардович воочию видел то, о чем писал, что он путешествовал по Космосу, посещал его самые таинственные уголки и миры иных состояний материи.

То, что сознание Циолковского намного превышало сознание его коллег, становится понятным только сейчас, да и то не всем. Такой уровень сознания определял объемность и многомерность его мышления и восприятия окружающей действительности. И ему всегда противостояло «плоское» мышление среднего современного ученого. Он был великим и уникальным философом, чьи идеи Космической эволюции были созвучны и русской философии Серебряного века, и философским нахождениям таких выдающихся ученых, как Вернадский, Чижевский, Флоренский. Живая космическая мысль Циолковского заложила устойчивый фундамент нового мышления XX века. Она все время билась в нем, складывая иную картину Космоса, нежели та, которая существовала в традиционной науке. Сама мысль занимала в этой картине одно из главных мест. Циолковский был одним из немногих, кто задумался над тем, что есть мысль. В свое время над этим размышлял великий русский хирург Н.И. Пирогов и пришел к интересным выводам.

Константин Эдуардович размышлял о материи и духе, о жизни и смерти, о вечности и сути быстротекущего времени, о первопричине Космоса и неизвестных еще нам его силах, о таинственной Иерархии и о космическом мыслетворчестве, о загадочных потоках энергии, льющихся на Землю, и странствующих по Вселенной путниках-атомах. Эти мысли владели им с первых шагов его научной деятельности, поддерживали его в зрелом возрасте и ушли вместе с ним, не успев вылиться на бумагу или в слова в тот последний час, когда оборвался его земной путь.

В своих философских размышлениях и научных изысканиях он каждый раз вырывался за пределы Земли, остро ощущая, что только преодоление земных границ даст ту истину, которой так не хватало и науке, и философии. Он был уверен, что истина космична, и оставался в этом убеждении вплоть до своего ухода.

Свои основные философские взгляды он изложил в двух работах, одна из которых, 1903 года, была опубликована в 1914, другая – в 1930 году.

Можно утверждать: эффект присутствия очеден в каждой такой зарисовке Циолковского. Первая называлась «Этика и естественные основы нравственности», вторая – «Научная этика».

И та, и другая работы свидетельствовали, что Циолковский брал этику за основу космической эволюции человечества, тесно увязывая ее с процессами, происходящими в Космосе, и теми закономерностями, которые были свойственны последнему. «...Надо истинную мораль извлечь из естественных начал вселенной, – утверждал он, – из ее общих законов, и сделать ее, таким образом, убедительной и приемлемой всеми людьми» ²⁵. Циолковский смело связал этику и нравственность человека с законами Вселенной, существование и действие которых он ощущал на себе, внутренне согласуясь с ними.

Он совсем по-другому, чем большинство его коллег, рассматривал проблему материи и духа, неразрывно соединяя их в регулярном взаимодействии в пространстве Космической эволюции. Свои философские взгляды он противопоставил плоскому и механистическому материализму, который был основой научного мировоззрения. Он был одним из первых ученых, который расширил понятие материи, узрев в ее глубинах нечто такое, что составляло ее основу, но еще не было объяснено. Это «нечто» было материальным, хотя и отличалось по своим качествам от плотной материи. Весь Космос предстал перед ним материей, но материей различных качеств и состояний. «Теперь я думаю, – писал он в 1903 году, – что материю так же можно принять за дух, как и дух за материю. Наука указывает именно на духовность материи ^{26} .

Его материализм был глубже и богаче, нежели тот, который лежал в основе научного мировоззрения. «Вообще материализм остановился на половине дороги, в беспомощном и жалком состоянии, — отмечал он, — так как не дошел до отрадных выводов о вечной и безначальной жизни всего сущего, всякой частицы живой или мертвой материи»²⁷. Он интуитивно ощущал кризис научного мировоззрения, возникший на границе его перехода в новое мышление, основой которого становилась новая картина одухотворенного Космоса. Ибо дух являлся не только его материей, но и энергией.

Он представлял себе бесконечный и вечный океан материи, созидающий космические тела, заполняющий межзвездное пространство и творящий в себе то, что в результате становится духом, разумом, пространственной мыслью, мыслящей материей. Он как бы воочию видел процессы, иду-

²¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. М.: Мысль, 1995. С. 199.

²² Там же. С. 31

 $^{^{23}}$ Цит. по: В Калугу к Циолковскому. Калуга: Золотая аллея, 2001. С. 31.

²⁴ Циолковский К.Э. Грезы о земле и небе: Научно-фантастические произведения. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. С. 226–227.

 $^{^{25}}$ Циолковский К.Э. Космическая философия. М., 2001. С. 40.

²⁶ Там же. С. 38.

²⁷ Там же. С. 43.

терии в другой.

И опять, читая описания невидимых нам грандиозных космических процессов, ловишь себя на мысли, что автор этого описания как бы присутствует при этом, являясь живым свидетелем того, что от нас сокрыто и внешне и внутренне. И если представить себе, что, как считает Циолковский, материя есть энергия и сила, то данные космические процессы обретают грандиозный эволюционный смысл, сквозь который светятся Великие законы, управляющие этим космическим по своим масштабам кругооборотом и движением.

Он усиленно работал над новой картиной Космоса, собирая воедино все, что нес ему сам Космос, что звучало где-то в глубинах его внутреннего мира, приходило к нему озарениями, вспыхивающими в нем самом. И вместе с тем он понимал, что качество приема этих знаний зависит от уровня сознания принимающего. «Если бы даже голос высших существ из других миров сообщил нам знания, - писал он, - то и тогда бы мы их приняли или не приняли, согласно нашему разумению. <...> Итак, источником знаний служат наши чувства и ум. Только голос вселенной мы воспринимаем иногда непосредственно, а иногда через посредство других существ, большею частью уже ушедших из нашего мира, но оставивших нам в том или другом виде свои труды...»²⁸ Он также знал, что те, кто дарил ему знания, стоят на разных ступенях Космической эволюции, но все они являлись его учителями и были выше и совершенк нему. Он верил в Него, и это служило ему опорой. Вера так или иначе входила в пространство его космического познания. «Трудно обойтись без веры. Человек без веры, хотя и во всеоружии знания, во многих случаях жизни не знает, что ему делать. <...> Для меня, например, общим руководством в жизни служит философия Галилейского и суеверных толкований»²⁹.

Для него Галилейский учитель стоял как бы на самой вершине совершенных, возглавляя их Иерархию, существование которой он, ученый Циолковский, интуитивно ощущал и в которую верил. Это чувство веры и любви к Учителю поднималось из глубин его внутреннего мира, ему не хватало именно такого Учителя. Чувство к этому Учителю открывало ему новую глубину познания,

щие в этом океане, ток атомов из одного вида маностное познание космической высоты и совершенства. «Если есть Первопричина, если сложность мира и его разумных существ бесконечна, если вопросы так запутаны, то я не могу руководствоваться исключительно научными выводами, сделанными нами ранее.

> Помимо того, что они не могут решить мне всех вопросов, которые возникают в жизни, мое сердце жаждет большего, видит дальше, чем разум, и чище его. Смутные чувства и желания влекут меня к великому учителю с его великою любовью, подобною любви Первопричины. Только непонятно, откуда эти чувства, которые выше разума. <...>

> Но важно и то, что нам может сказать наука настоящего времени: она утверждает нас в вечности атома, в необходимости добродетели, намекает на существование Первопричины и существ, невидимых нами: но она не дает нам полного ответа на вопросы жизни.

> Мы имеем идеалы: благородства, долга, добродетели, скромности, терпения, мужества, самопожертвования и т.д. Все ли их оправдают наши рассуждения и оправдают ли достаточно убедительно?»³⁰

> «Итак, смиримся с нашей наукой и не будем забывать наше ничтожество перед неведомым. Будем любить ее, но не забудем, что она начало азбука, а не ответ на все вопросы. Будем искать, будем настороже, а не покоиться на лаврах»³¹.

Эти две веры Циолковского, в Учителя и науку, нее его. И только Один из них был всего ближе являлись фундаментом новой системы познания, космического мышления, делавшим эту систему объемной, многомерной, несущей в себе идею соединения, или скорее синтеза, духовного и научного способов познания. Человеческое чувство, человеческое сердце становятся для него инструментом познания, углубляют пространство традиционного научного исследования, подводят научную мысль учителя в чистом виде, освобожденная от легенд к реальности, а вместе с ней и к истине. Он на собственном опыте убеждался, что не только интеллект служит познанию, но и сердце, в котором, как в капле, отражена вся сложность Космоса и которому энергетически соответствуют структуры, управляющие Космосом. Именно через сердце пришла ему весть о Великом космическом законе Учительства, который нес в себе его Галилейский учитель.

> В своем духовном пространстве он ощущал законы Космической эволюции, познания ко

торых так не хватает человечеству. Он осознавал, что эти законы имеют универсальное значение, они применимы и к формированию гигантских планетных систем, и к деятельности человеческого общества. Везде высшее ведет за собой низшее. Без высшего низшее не может развиваться и достигать более высокого состояния.

С фантазии начиналась его идея о заселении землянами околосолнечного пространства, а завершилось все подробным описанием их космических жилищ, их образа жизни, их метода питания и многого другого, что может вызвать неподдельный интерес серьезных ученых. Подробности этих описаний опять же столь реальны и столь неожиданны, что невольно при их чтении возникает ощущение присутствия. Такие детали мог изобразить только реальный свидетель:

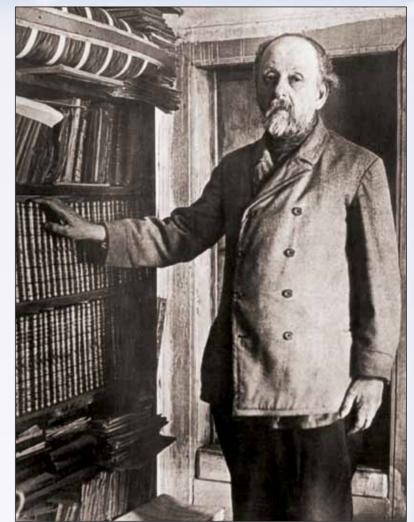
«Поместимся в тени его (космического жилища. – Л.Ш.). Солнца не видно. Общая картина окажется очень странной. Мы почувствуем себя в центре небольшого черного шара, усыпанного разноцветными точками: звездами и туманными пятнышками. Кроме того, через весь шар тянется широкая туманная поло-

са Млечного Пути, кое-где раздваивающаяся. Каждый раз, заслонясь от Солнца, мы погружаемся в ночь. Удалившись от жилища и не выходя из его тени, мы зараз увидим почти все небо, всю сферу.

Солнце бы нас убило своими ультрафиолетовыми лучами, если бы обыкновенные стекла нашей одежды и жилища не предохраняли нас от них. На Земле нас хранит от них атмосфера.

Выплыв из тени, мы увидим Солнце. Оно покажется нам гораздо меньше, чем с Земли, таким же уменьшенным, как и небесная сфера. Это субъективно оно нисколько не уменьшилось.

Трудно представить себе, что чувствует человек среди Вселенной, среди этого мизерного черного шара, украшенного разноцветными блестящими точками и замазанного серебристым туманом. Нет ничего у человека ни под ногами, ни над головой. Может быть, ему представится, что он вотвот упадет на дно этого шара, в ту сторону, куда

К.Э. Циолковский в своей библиотеке. 1930

обращены его ноги»³². Далее Циолковский описывал космические жилища, где поддерживаются нужная температура, влажность, добываются с помощью соответствующей аппаратуры вода, пропитание и все остальное, что нужно человеку для жизни. «Солнце, - продолжает он, - может нам давать древесину, уголь, крахмал, сахар и все бесчисленное множество веществ, доставляемых и сейчас растениями на Земле. Они такой же источник силы, как и каменный уголь, водопады, и ветер на нашей планете» ^{33} .

Он раскрывал перед человечеством грандиозную перспективу заселения Космоса, раздвигал узкие земные границы, суля невиданное будущее и вечную счастливую жизнь.

Создавая свою космическую философию и разрабатывая принципы космической ракеты, он не раз обращался к восточной философии, к древним знаниям культуры Востока. Особенно его ин-

²⁸ Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 46.

²⁹ Цит. по: Казютинский В.В. Космическая философия К.Э. Циолковского на рубеже XXI века // Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. М.: Золотая аллея, 2001. С. 47.

³⁰ Циолковский К.Э. Космическая философия. С. 88.

³¹ Там же. С. 89.

³² Циолковский К.Э. Гений среди людей. М.: Мысль, 2002. С. 104.

³³ Там же. С. 111.

тересовала индийская философия, и прежде всего зуя знания, которые возникли из сокровенных дубуддизм. Оттуда он взял ряд важных понятий, без которых, по его убеждению, теория Космической эволюции была бы неполной. Закон причинноследственных связей, или карма, упоминается Циолковским в ряде его работ.

Ко всему прочему у Циолковского был несомненный пророческий дар. И этот дар часто происходил из его мечты или сильного стремления. «Да, мне очень хотелось бы, – говорил он, – чтобы мы, русские, первые перешагнули порог великого Космоса». И продолжал: «Конечно, это будет русская ракета, и, конечно, полетит на ней русский человек. Да, да, именно русский человек – богатырь, отважный, смелый, храбрый первый звездоплаватель. Именно русский, а не немец, не француз, не англичанин, не американец. Русские ученые и инженеры построят мощный космический корабль, а русский богатырь выведет его навстречу Космосу, откроет людям путь в Космос. Это было бы поистине великое завершение моих мечтаний и моих расчетов. Космическая ракета возможна, и она будет. <...> Какой это будет счастливый день для нашей науки, когда русские люди поднимут ракетный корабль навстречу звездам! Этот день станут считать первым днем космической эры в жизни человечества. Не будет границ торжеству и величию русской науки! Этот день и имя первого космонавта войдут в историю человечества. Это – бессмертие...»³⁴

Профетический характер носила и идея Циолковского о четырех космических эрах.

Во всей теории космических эр слышался отзвук древнего знания, существовавшего в индийской мифологии и в философии. Там это называлось «вдох и выдох бога Вишну», спящего на змее Шеше, олицетворяющем материю. Когда Вишну вдыхал, Вселенная собиралась в одну точку, когда выдыхал, Вселенная вновь возникала со всеми своими небесными телами и обитателями. С этим мифом была связана и теория пралайи, свидетельствовавшая о том, что в конце каждой манвантары, или определенного космического цикла, Вселенная погружалась в «ночь Брахмы», которая через какое-то время сменялась «днем Брахмы». В «ночь Брахмы» Вселенная разрушалась, в «день Брахмы» возникала вновь. Чередование этих «дней» и «ночей» было бесконечным и знаменовало собой циклы жизни и смерти Вселенной, являвшиеся эволюционной закономерностью в развитии Космоса. Но было бы ошибкой сказать, что Циолковский следовал мифологии или древней философии Индии. Он построил свои космические эры, исполь-

ховных глубин его внутреннего мира, и то, что он знал из достижений современной науки. А древний отзвук, который несла его «теория космических эр», несомненно свидетельствовал о явном приближении этой теории к истине. Развитие Космоса, его устремление к более высоким структурам через жизнь и смерть, через «день» и «ночь», через созидание и разрушение, сжатие и расширение его пространства регулируется определенными законами, которые и ощутил Циолковский в своей «теории космических эр». Он оказался более близок, чем кто-либо из ученых, к признанию и пониманию важных законов Космоса.

Кем же он был, этот великий мудрец, который все время жил Космосом и понимал его лучше, чем Землю? Земля доставила ему только трудности и страдания. Как ответить на этот вопрос? Был ли он посланником самого Космоса, пришедшим на Землю, чтобы, несмотря ни на что, принести ей весть о реальности этого Космоса? Или вечность исторгла его из своих глубин с какойто таинственной и непостижимой для людей миссией? Я не могла найти ответа, но была уверена, и до сих пор остаюсь в этой уверенности, что несомненно нечто подобное было с ним связано. Он, создавший свою ракету, изменил жизнь землян XX века и не только приблизил к ним высоту Космоса, но и проник своей мощной мыслью в его глубины. Ракета была принята, мысль не понята, а посему – отвергнута.

Александр Леонидович Чижевский

рупный ученый, философ, поэт и художник. В 1918 году, когда ему был 21 год, Чижевский защитил докторскую диссертацию. В науке он не только занимался экспериментальными исследованиями, но и глубоко проникал в философские вопросы, размышлял над проблемами новой системы познания – космического мышления.

Главная мысль, на которой строится теория познания Чижевского, заключалась в следующем: все земные явления, природные и социальные, необходимо рассматривать в контексте взаимодействия Земли и Космоса. «Не все еще явления природы, - писал он, - кажутся нам просты и понятны. Мы познали лишь те, каковые стоят ближе всего к нам со стороны двух бесконечностей: Величия Космоса и Глубины Материи. Как в неизмеримом океане теряется наша мысль за последними еле заметными звездами, сияющими на ночном небе, и в мельчайших частицах материи, столь же мой нами вселенной.

Размышляя об этих взаимно противоположных крайностях Природы, человек как бы покидает свою землю, ибо то, что представляется его взорам, выходит из пределов одной земли: это вопросы высшего космического порядка, и разрешение их равносильно разумному объяснению своего существования и постижению всего великого, несоизмеримого с нами, здания мира.

И вот перед нами высится ряд вопросов величайшей важности: удастся ли нам когда-нибудь познать природу как она есть, а не как нам кажется. Хаос или гармония управляют всем происходящим в мире; однородно или многоразлично вещество, создающее видимый мир, и что оно представляет из себя; смертна или бессмертна органическая жизнь, случайна или вездесуща она; смертен или бессмертен мир; конечно или бесконечно пространство»³⁵. Чижевский обладал редкой и удивительной способностью – правильно ставить вопрос и соответственно получать на него правильный ответ в ходе эксперимента или творческого размышления. Он сразу определил методологически пространство познания, а оно оказалось космично широким, если не бесконечным – от величия или грандиозности Космоса до глубины Материи.

Система познания молодого ученого выходила за земные границы. Она также расширялась и в сторону неэкспериментальных методов, которые, по убеждению Чижевского, должны были составлять вместе с эмпирическими методами исследования целостную систему познания. «Не все может быть уловимо наблюдением или опытом, утверждал он, – [чтобы] создавать гипотезы и теории. Чтобы приблизиться к разрешению этих вопросов, человеку необходимо [иметь] нечто, стоящее вне опыта, а именно известную внутреннюю способность отвлеченного мышления, логическое и образное творчество.

Только в этой области ясно обнаруживается скрытая способность человеческого ума проникать, не покидая строго научной почвы, туда, куда не достигает самый совершенный, непосредственный опыт – в подлинные, сокровенные глубины природы»³⁶. Соединение эмпирического метода исследования с вненаучным или метанаучным, действовавшим в духовном пространстве человека, было необходимо для создания новой системы познания космического мышления.

Образное мышление, присущее человеку, Чижевский справедливо отнес к области познания.

отдаленной от нас, как те последние светила видистроению гипотезы, предположению, получавшему впоследствии экспериментальное подтверждение. Он отметил роль творческой интуиции при создании образа и при этом считал, что образ, сложное явление человеческого духа, не совпадает со своим оригиналом, проявление которого требует уже иных способов познания.

> Чижевский был одним из первых, кто создал теорию образа как способа познания. Образ видимый таит в себе невидимое явление, которое, будучи правильно расшифрованным, дает возможность познать это явление и вскрыть его сокровенную глубину. Чижевский писал о том, что волнообразная теория света есть образ, который помог Максвеллу составить уравнения магнит-

> Чижевский давал этим понять, что новая система должна быть синтетической и включать в себя все доступные человеку способы познания.

> Он обратил пристальное внимание на космический ритм, который был одной из важнейших особенностей, объединяющей самые разные процессы и проявления энергии и материи. На этой особенности держится методология теории познания космического мышления.

> Человек есть часть Космоса, взаимодействующая с его ритмами. И ученый ставил вопрос о влиянии этих ритмов, и прежде всего солнечных, на исторический процесс и на психологию и физиологию самого человека. «Весьма характерно, - отмечал он, - что многим историческим событиям предшествовали или сопровождали их различные астрономические явления: прохождение комет, возмущения на солнце. <...> И в самом деле, нельзя ли установить полнейшую зависимость биологических и психических процессов, совершающихся в человеке, от периодов колебаний электромагнитного пространства и выяснить ритм исторических событий в жизни человечества»³⁷. Мысль была смелой, ее он потом подтвердил наблюдениями и фактами, оставившими свой след в исторических источниках многих веков. Давно было замечено, что космические ритмы, влияющие на жизнь Земли, особенно воздействуют на процесс творчества человека. Творчество всегда ритмично, и представить себе какое-либо подлинное творчество без ритма просто невозможно.

«Чем характеризуется вообще каждая историческая эпоха? В ней, главным образом, мы должны заметить правильное чередование подъема и спу-

³⁴ Цит. по: Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 407–408.

³⁵ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания: Система космоса. Проблемы // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 106.

³⁶ Там же. С. 107.

³⁷ Там же. С. 125.

ска человеческого прогресса. Перспектива истории прекрасны, привлекательны и наполнены энергепредставляет собою панораму грозного моря с высоко поднятыми волнами и зияющими безднами между ними. Мы видим, как мировые державы и великие царства, достигнув гребня волны – самой высокой точки своего развития, опускаются вниз, чтобы либо навсегда исчезнуть, либо вновь, совершив трудный путь подъема, показаться на следующем гребне волны. Цикл завершен. Планета Истории прожила свои сутки. Наступают новые. Человечество опять совершает свой подъем, но подъем этот расположен уже в другом месте развертывающиеся на поверхности и внутри набольшого космического цикла. Все признаки, сопутствовавшие прежнему подъему, сохранились и при новом подъеме человечества, но изменились только в характере своих проявлений. Говорят, "человечество сделало шаг вперед", человечество эволюционирует!»³⁸

Мы находим у Чижевского целую философскую картину исторического развития человечества, построенную на концепции ритма и поэтому более реальную, чем та, которая содержалась в теории исторического материализма. Именно космический ритм есть причина исторического ритма земного человечества. Каков механизм, соединяющий причину с ее следствием, пока трудно сказать. Эта проблема требует не только серьезных научных исследований, но и соответствующего сознания самого исследователя, работающего в рамках концепции новой теории познания космического мышления.

Таким образом, картина Вселенной, которую создал Чижевский на основе положений новой системы познания, значительно отличалась от той, которая существовала в традиционной науке. Она несла в себе потенциал новых научных открытий и нахождений, неожиданных подходов и новых взглядов на, казалось бы, уже устоявшиеся явления. Чижевский выступил здесь не только как ученый, но и как зрелый философ, несущий в себе новое космическое мировоззрение, которое пронизывало все его творчество и явилось причиной всех нападок на него, предпринятых ученымитрадиционалистами. Но были и те, кто называл Чижевского «Леонардо да Винчи XX века» за его мысли, опережавшие свой век, и его исследования, которыми он подтвердил свои удивительные идеи и философские нахождения.

Так называемое электромагнитное, или энергетическое, мировоззрение Чижевского дало ему возможность представить научную картину Вселенной крупными мазками художника и поэтическими образами. Его Космос, его Вселенная были стицы, которые имеют энергию в несколько мил-

тической жизнью. «По бесконечным просторам Вселенной, - писал он, - с необычайной скоростью, подчиняясь законам космической электродинамики, мчатся потоки элементарных частиц электронов и позитронов, несущих величайшие энергии, равные миллионам и даже миллиардам электронвольт. Выброшенные из звезд, из сверхновых звезд и из недр Солнца при термоядерных реакциях, они бороздят пространство Вселенной.

Грандиозные физико-химические процессы, шего Солнца и многих миллиардов звезд, посылают в космическое пространство своих вестников – электромагнитные колебания и мощные корпускулярные потоки. <...> Звезды являются первичными источниками света во Вселенной, и энергия их возникает при ядерных превращениях. Прочие большие тела, как, например, туманности и планеты, также излучают свет, но свет этот либо представляет собой флюоресценцию, либо является отраженным и рассеянным светом звезд. Наше Солнце также не остается безучастным в этом деле и периодически заполняет космическое пространство мощными обломками атомов своей материи, несущими огромную энергию. Таким образом, предполагавшаяся ранее пустота (вакуум) мирового пространства – явление только кажущееся. Мировое пространство пронизывается магнитными полями, электромагнитными колебаниями различной частоты, потоками частиц величайших энергий, космической пылью, метеорами, метеоритами, болидами, обломками космических тел разной величины. Межзвездные магнитные поля, где блуждают сотни миллионов лет частицы высоких энергий, могут не только разгонять их до субсветовых скоростей, но и замедлять их движение. Межзвездные магнитные поля различной конфигурации не только ускоряют или замедляют потоки этих частиц, но и определяют их направление. <...>

Эти частицы, встретив на пути своего движения силовые линии земного магнитного поля, отклоняются им в сторону полюсов Земли, обнаруживая себя в виде полярных сияний. На Землю, как от Солнца, так и с других сторон, устремляются частицы сверхвысоких энергий и попадают таким образом в магнитное поле нашей планеты. Магнитное поле Земли классифицирует эти частицы по энергиям и создает особые зоны, или пояса, в которых сконцентрированы потоки быстрых частиц. <...>

В экваториальную зону проникают лишь те ча-

стиц высоких энергий <...> и, таким образом, могут служить конусообразными "воротами" в Космос. Человек через полюс достигает любых высот, минуя опасные излучения»³⁹. Грандиозная энергетическая картина Мироздания, нарисован-

лиардов электронвольт. Обла-

сти вблизи магнитных полюсов считаются свободными от ча-

ная «кистью» великого ученого.

Из большого количества проблем, связанных с взаимодействием Космоса и земного человечества, он выбрал прежде всего влияние активности Солнца на земной исторический процесс. Собранный им материал давал возможность это сделать. Особое внимание Чижевский обратил на совпадение взрывов на Солнце с большими землетрясениями и мощными извержениями вулканов на многих континентах. Казалось, что небесный огонь солнечной активности вызывал из мрака подземный огонь, вырывавшийся из таинственных глубин планеты потоками расплавленной лавы и сдвигавший огромные пласты ее поверхностного слоя.

Он начал вести исторические изыскания. И пришел к заключению, что «количество массовых движений во всех странах возрастает по мере возрастания активности Солнца и достигает максимума в годы максимума

солнцедеятельности. Затем это количество начинает убывать и в годы низкой солнцедеятельности достигает своего минимума. Эти циклические колебания всемирно-исторического процесса были обнаружены мною во всех странах и во всех столетиях начиная с 500 года до нашей эры» 40.

Такого осмысления исторического процесса до него еще не было. Исторический процесс обрел свои космотеллурические закономерности, и его связь с естественными науками стала очевидной. Ну а если быть точным, исторический процесс стал частью естественных наук во всем их многообразии. Подчинение природным законам откры-

Александр Леонидович и Нина Вадимовна Чижевские. Москва, 1963

ло новые пути не только для его дальнейшего изучения, но и для подлинного прогнозирования. «...История, - отмечал Чижевский, - в том виде, как она есть, значит не более нуля для социальной практики человечества.

Она представляет собою знание о мертвом, о ненужном для вечно прогрессирующей жизни. Это архив, где редко наводили и наводят справки и знание которого, все эти "уроки истории", никого никогда ничему не научило! Люди, близко знакомые с историей, делали те же ошибки, те же промахи, которые уже некогда были совершены. Последнее происходило оттого, что действую-

³⁸ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания: Система космоса. Проблемы. С. 134.

³⁹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 436–437.

⁴⁰ Там же. С. 497-498.

А.Л. Чижевский. Лунная морозная ночь. 1953

щие в истории лица не имели никаких твердых точек опоры, никаких обоснованных вех в пространстве и времени, которые могли бы руководить их деяниями и направлять течение рожден- по-иному, нежели это делала современная наука. ных ими событий»⁴¹.

Постановкой вопроса об историческом процессе Чижевский воскресил тот мертвый материал, который лежал в архивах, содержался в книгах и проходил через память недолговременных свидетелей малых и великих исторических событий. Дыхание придало историческому процессу космическую структуру, обозначило точки опоры и ликвидировало то хаотическое состояние, которое без подлинного гносеологического основания было лишено какой-либо причинности и закономерности.

Мифология, философия, искусство, религиозный опыт дали ему возможность разносторонне решить многие проблемы влияния Солнца на нашу планету. Этот метанаучный способ познания принес Чижевскому ряд идей, которые возникли в глубокой древности, такие как: Солнце – источник света, тепла и жизни; Солн-

це – первоисточник всего существующего; Солнце – это сердце мира. Опираясь на эти идеи, Чижевский сумел взглянуть на суть Солнца совсем

Установив зависимость человеческого творчества от космических факторов, Чижевский пришел к выводу, что активность деятельности человека, ее ритм, подъемы и падения совпадают с ритмами пульсаций самого Солнца.

Восстания, Крестовые походы, переселения Космоса возродило все это к новой, иной жизни, народов – все эти конкретные исторические события были связаны с усилением активности самого Солнца, возникновением пятен на нем или взрывов и влиянием этих процессов на магнитное поле Земли. Появление на арене истории народных вождей, духовных водителей, великих полководцев, выдающихся государственных деятелей и различного рода реформаторов также было связано с активностью Солнца, и их появление и усиленная деятельность зависели от активности самого Солнца, а возможно, и других космических факторов. Среди подобных личностей Чижевский назвал Аттилу, Мухаммеда,

Тамерлана, Жанну д'Арк, Савонаролу, Лютера, ко среднее арифметическое остается более или Игнатия Лойолу, Богдана Хмельницкого, Кромвеля, Вашингтона, Шамиля, Гарибальди, Ленина и ряд других.

«...Можно сделать предположение, - отмечал он, - что такие выдающиеся лица древности, как Мильтиад, Фемистокл, Кимон, Перикл, Лизандр, Пелоцид, Эпаминонд, Ганнибал, Марий, Сулла, Спартак, Катилина, Верцингеторикс, Цезарь, Германик, Цивилис и мн[огие] другие, впервые появи[лись] на арене общественной жизни или впервые приобрели общественное значение в эпохи максимумов пятнообразовательной деятельности солнца» 42. Этой же закономерности было подчинено распространение учений - политических, религиозных, философских, различного рода ересей и идей, овладевавших массами. В деятельности выдающихся исторических личностей он подметил одну интересную особенность, которая объясняла ритмы их жизни. Когда активность Солнца затухает и воцаряется на какое-то время космическое спокойствие, то «вожди, полководцы, ораторы теряют те силы, которые в предшествовавший период сковывали массы и принуждали их к повиновению. Массы уже с трудом подчиняются внушению»⁴³. Наступление спокойного периода приводило ряд великих личностей, потерявших свои силы воздействия на народ, к неизбежной гибели или трагической участи. Спокойные периоды земной истории отличались отсутствием великих личностей, когда к политической и духовной власти приходили заурядные и незначительные по своей деятельности индивидуальности. Периоды человеческой активности сменялись пассивностью.

Наблюдения и исследования, сделанные Чижевским, свидетельствовали о ритмичности исторического процесса, причем эта ритмичность была постоянной величиной во времени и пространстве. Чижевский обнаружил 11-летний ритмически повторяющийся цикл развития солнечной активности. В этих циклах он нашел «четыре этапа:

- 1. Период минимума,
- 2. [Период] увеличения активности,
- 3. [Период] максимума и
- 4. [Период] деградации»⁴⁴.

Каждый период имеет свою продолжительность, и возможны некоторые незначительные отступления и в циклах, и в периодах. Одна-

менее постоянным: первый период составляет 3 года, второй – 2 года, третий – 3 года, четвертый – 3 года.

Этот ритм циклов и периодов соответствует степени напряженности и активности земного исторического процесса. Исследования Чижевского четко показали, что «течение всемирно-исторического процесса составляется из непрерывного ряда циклов, занимающих промежуток времени, равный, в среднем арифметическом, 11 годам, и синхроничных в степени своей активности периодической пятнообразовательной активности солнца»⁴⁵.

Таким образом, цикл исторического процесса имеет то же деление на четыре периода и той же продолжительности: 3, 2, 3, 3 года. Вместе с тем Чижевский установил историко-психологические особенности 11-летних циклов. Их оказалось две, и они повторялись из цикла в цикл.

Первая. «...В средних точках течения цикла массовая деятельность человечества на всей поверхности земли, при наличии в человеческих сообществах экономических, политических или военных возбуждающих факторов, достигает максимального напряжения, выражающегося в психомоторных пандемиях: революциях, восстаниях, войнах, походах, переселениях, создающих новые формации в жизни отдельных государств и новые исторические эпохи в жизни человечества и сопровождающихся интеграцией масс, выявлением их активности и правлением большинства»⁴⁶.

И вторая. «В крайних точках течения цикла напряжение общечеловеческой деятельности военного или политического характера понижается до минимального предела, уступая место созидательной деятельности и сопровождаясь всеобщим упадком политического или военного энтузиазма, миром и успокоенною творческою работою в области организации государственных устоев, международных отношений, науки и искусства при дезинтеграции и депрессии масс и усилении абсолютистских тенденций власти»⁴⁷.

Анализируя такие особенности, Чижевский пришел к выводу, что усиление солнцедеятельности превращает потенциальную энергию масс в кинетическую. Иными словами, «исторические события развиваются путем целого ряда толчков, вызываемых колебаниями пятнообразовательного процесса на солнце. Скорость действия этих

⁴¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга: 1-я Гостиполитография, 1924. С. 7.

⁴² Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 43.

⁴³ Там же. С. 48.

⁴⁴ Там же. С. 11. ⁴⁵ Там же. С. 50.

⁴⁶ Там же.

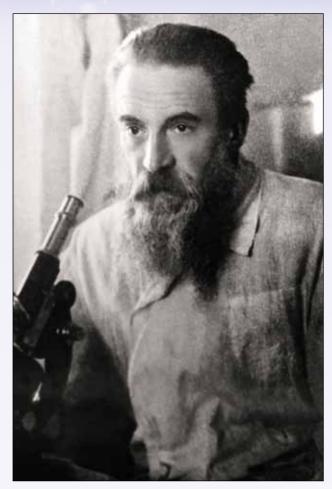
⁴⁷ Там же. С. 52.

толчков, а равно и степень их напряженности, по всему вероятию, стоят в известной зависимости от элементов каждого отдельного колебания в веществе солнца, обусловленного также положением в том или ином периоде пятнообразовательного шикла»⁴⁸.

Чижевский также установил, что не только сам пятнообразовательный процесс влияет на исторические события, но и вращение самого Солнца вокруг своей оси, что может вызвать исчезновение или появление возмущенных мест солнечной материи, влияющих на земные явления. Он утверждал, что «между периодическою деятельностью солнца и общественной деятельностью человечества существует прямое соотношение» 49. Эта мысль о «прямом соотношении» исторического процесса и деятельности Солнца представлялась новой и очень важной, ибо до сих пор если такое соотношение и признавалось с большим трудом, то лишь как опосредствованное. Выход на «прямое соотношение» не только менял суть всего исторического процесса, но и расширял возможности прогнозирования ряда исторических событий. «Но можно надеяться, что важные для человека общественные науки, благодаря успехам биофизики, вскоре получат возможность устанавливать свои положения о человеческих взаимоотношениях путем применения точных дисциплин. Это будет важный шаг вперед по пути к обнаружению закономерности в социальной эволюции человечества, законы которой, без сомнения, не являются исключением из общих принципов природы»⁵⁰, – писал ученый. Таким образом, закономерности человеческой деятельности и закономерности окружающей природы и Мироздания представляли собой целостную картину, объединенную единством ритмов разнообразных процессов и движений.

Чижевский был тем, кто очень четко объяснил главные моменты, связанные с новым космическим сознанием. Размышляя об этом сознании, которое далеко не всем жителям планеты понятно, он утверждал, что в Космос не нужно летать, ибо он рядом с нами, мы все – жители Космоса, поэтому, исследуя Космос в земных условиях, ученые ясно поймут те общие закономерности, которые связывают Землю как космическое тело с окружающей ее реальностью.

Чижевский был одним из первых, кто рассматривал космотеллурические процессы с точки зрения энергетической, правильно почувствовав в этой энергетике причинную суть земных явлений.

А.Л. Чижевский в санчасти Спасского отделения Карлага. 1949

Эта позиция ученого не только меняла сознание человека, но побуждала по-новому подходить к системе познания. Он утверждал, что существует Космическое сердце, внеземная сила, стоящая за солнечными ритмами.

В своих работах Чижевский научно доказал, что никакое земное событие, явление или процесс не могут быть подлинно исследованы без учета особенностей самого космического пространства, которое, подобно бушующему энергетическому океану, окружает остров под названием Земля. Его волны набегают на берега этого острова, оставляют свою энергетику и несут обратно в безбрежность этого океана земную энергетику, которая, как ни странно, также влияет на динамику космического океана. И Земля и Космос представляют собой единое целое.

Ни у Земли не может быть своей отдельной от Космоса эволюции, ни у самого Космоса - эволюции, не связанной с Землей и другими небесным телами.

48 Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. С. 59.

кой человека и обнаружил в его крови загадочную энергосистему, связанную с Космосом и другими мирами. Энергия текла вместе с кровью по всему телу человека и в Живой Этике получила название психической энергии.

Нужно сказать, что, несмотря на 15 лет лагерей и ссылок, Чижевский выполнил в науке свою миссию по формированию нового космического сознания, новой науки и новой космической системы познания.

«Но я выжил, – писал он, – я перенес все беды, все лишения, голод и холод бездны, в которую я был сброшен той эпохой. Позором легли на имена этих "дельцов" их деяния. Их честь в моих глазах утрачена навсегда... На их лбу поставлено клеймо, видимое всем!

Многотерпеливая и многотрудная область человеческих исканий – наука! Бесконечных жертв требуешь ты от человека, беспрерывных лишений и ужасов! Нет предела твоей силе, но нет предела и твоей жестокости! Ты даешь людям несметные богатства, но и подчиняещь их, как рабов, своей коварной власти. Ты бросаешь людей в темницы, на плаху, на костер, ты разлучаешь их с семьей, ты одеваешь твоих поборников в рубище и принуждаешь их к холоду и голоду во имя только одного слова или только одной буквы из твоего бесконечного тайного кода! И эту малость человек уже считает твоей великой милостью, за которую он готов отдать жизнь свою! Подобно огню Солнца, ты в конце концов сжигаешь человека в своих ослепительных лучах!

И рядом с гекатомбами жертв твоей жестокости, которым ты все же открываешь свои маленькие тайны и взамен этих тайн берешь их жизнь, несметными полками идут те, которым ты ничего не говоришь, - это неудачники в жизни, счастливцы, укрывшиеся в твоей роскошной тени. Своим сжигающим светом ты не убиваешь их, ты не выжигаешь их глаза, не околдовываешь их мозг. О, как хорошо, как спокойно живется им в твоей чудесной тени!.. Даже когда они совершают преступления против морали и честности, они умирают раньше, чем закон настигает и карает их!»⁵¹

За этими горькими словами стоит человеческая трагедия великого ученого XX века, его страдания, его разочарования, гибельные моменты его жизни, трагедия человека, посмевшего, вопреки большинству, пойти новым путем в науке и имевшего мужество на этом еще неизведанном пути твердо отстаивать свои взгляды и свои идеи. Казалось,

В последние годы Чижевский занялся энергети- в нем одном сконцентрировались судьбы всех, кто нес человечеству новое знание, пробиваясь сквозь огонь церковных костров, кто шел через пыточные камеры инквизиции, подвергался страшным казням, кто был замучен и растерзан невежественными толпами.

> В выписке из решения суда по делу Чижевского (еще раз следует сказать, что это решение было вынесено по клеветническому доносу) сказано:

> «Чижевского Александра Леонидовича за антисоветскую агитацию заключить в исправительнотрудовой лагерь сроком на восемь лет, считая срок от 22 января 1942 г., с конфискацией библиотеки»⁵².

> После лагерей и ссылок он недолго еще жил. Его богатое космическое наследие, которое он создал для людей Земли, до сих пор по-настоящему не изучено и не исследовано.

Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи

Т Т иколай Константинович был великим ху-**⊥** дожником, философом, ученым, путешественником и общественным деятелем. Елена Ивановна была выдающимся философом и ученым. Супруги Рерихи работали вместе над проблемами Космической эволюции и нового космического сознания. За время такой работы у них установились гармоничные взаимоотношения, которые были основой их совместного творчества. Рерихи занимают особое место в группе космистов Серебряного века. Они были связаны с космическим Иерархом, Великим Учителем, который через Елену Ивановну передал на нашу планету философию космической реальности – Живую Этику. Живая Этика несла новые знания о Вселенной и роли человека в ней. Именно в этой философии была разработана система нового космического сознания и намечены пути создания новой науки, объединяющей эмпирическую науку и метанауку. Здесь же мы находим и новую систему познания.

Елена Ивановна подготовила на основе информации Учителя ряд книг Живой Этики. Они были изданы в 20-30-е годы XX века. Что касается Николая Константиновича, то его художественное и научное творчество было напитано идеями Живой Этики. И Елена Ивановна, и Николай Константинович обладали рядом особых качеств, которые были свойственны выдающимся космистам Серебряного века. Живая Этика была импульсом Космической эволюции, который завершал ее определенный этап. Знания,

⁴⁹ Там же. С. 60.

⁵⁰ Там же. С. 61.

⁵¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. С. 490.

⁵² Архив Государственного музея истории космонавтики имени К.Э. Циолковского. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15.

Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи на раскопках в Новгородской губернии

переданные через Рерихов на Землю, дали возможность дальнейшего развития Духовной революции и нового космического сознания. Надо сказать, что творчество Рерихов было нелегким и не всегда принималось жителями планеты Земля. Невежество и непонимание проблем Космической эволюции было причиной нападок на Рерихов. Клеветническая кампания против них особенно расширилась в 1930-е годы. В Советском Союзе работы Рерихов были запрещены. го – культурных ценностей. Следы негативного отношения к их философскому наследию сохранились в России и поныне.

Тесный контакт Рерихов с Учителем привел их в Индию, где они прожили без малого двадцать лет и там же окончили свой жизненный путь. Оба они после приезда в Индию в 1923 году приняли активное участие в ряде эволюционных действий, нацеленных на дальнейшее продвижение человечества. Вопросы культуры в этих действиях занимали главное место. Н.К. Рерих в 1920-е годы организовал крупнейшую экспедицию по Центральной Азии, в которой участвовали Елена Ивановна и их старший сын Юрий Николаевич. Экспедиционный маршрут проходил по будущим культурным центрам нашей планеты.

Вернувшись из экспедиции, Рерихи создали в гималайской долине Кулу научно-исследовательский институт. Многие исследования в этом институте проводились с точки зрения новой системы познания. Крупные ученые, индийские, европейские, американские, участвовали в его работе. Но институт существовал только несколько лет. Вторая мировая война прервала его уникальные исследования. До сих пор Гималайский Институт научных исследований «Урусвати» еще не восстановлен.

Под водительством Учителя, космического Иерарха, накануне Второй мировой войны Рерихи создали и внедрили в общественную жизнь Пакт, который защищал культурные ценности в мирное время и во время войны. Над планетой было поднято Знамя Мира, знак Пакта, и прозвучал лозунг «Мир через Культуру». В этой короткой формулировке была заключена важнейшая мысль: только с помощью Культуры можно прекратить войны, разрушительные и убийственные, которые все время сотрясали планету. Эти войны, порождения тьмы, замедляли, а иногда и просто

уничтожали возможности планеты в эволюционном развитии. Международный договор получил название «Пакт Рериха», его подписали руководители 21 государства. На основе этого Пакта уже после войны ООН приняла Гаагскую конвенцию о защите культурных ценностей во время войны. Мировая война кончилась, но и в наше время вспыхивают местные войны и продолжается разрушение самого важного, самого энергетическо-

конца XIX и начала XX века стала все ярче проявляться Духовная революция, которая была основным событием российского Серебряного века. Духовная революция и ее участники, о которых мы говорили, подготовили сво- ции на Земле. Но мы не можем сказать, что это им творчеством и своими идеями явление космического эволюционного импульса Живой Этики. Надо отметить, что философские положения и идеи выдающихся космистов не противоречили Живой Этике. Многие выводы, которые сделали космисты Серебряного века, приближались к ней по своей сути. Оценивая эту ситуацию, можно сказать, что философия космистов и Живая Этика имели общий источник информации. Эта информация шла из Высшей материи Космоса. И Живая Этика, и идеи русских космистов, и сама Духовная революция составляли единое целое в пространстве и времени.

Процесс, начавшийся в Серебряном веке России, именуемый Духовной революцией, продолжается и сейчас. Мы являемся его живыми свидетелями. Перед нами разворачивается картина великого исторического значения. И в этой картине космическая борьба Света и тьмы служит необходимым фоном для Космической эволючисто земная эволюция. Такой эволюции не существует. А есть Космическая эволюция на космическом теле по имени Земля. Ибо все, что происходит на Земле, связано с Космосом и несет космическую суть. Но мы еще не умеем изучать Космос на Земле и понимать наше взаимодействие с Солнцем, другими планетами и мирами иного состояния материи.

Майя в течение многих веков воздвигла между нашей планетой и Космосом непреодолимую преграду. Но это явная иллюзия нашего недостаточного сознания. Эту иллюзию может разрушить новое космическое сознание. За это сознание боролись художники, поэты, философы, ученые Серебряного века. Рерихи, неся в себе космический импульс Живой Этики, оставили нам богатейшее космическое наследие. Наследие, которое тьма стремится затоптать и уничтожить. Полагаю, от нас зависит успешная защита этого наследия. От нас – и ни от кого иного.

Административное здание и медицинский корпус Гималайского Института научных исследований «Урусвати». 1930-е гг.

С.В. Скородумов

Проблема теодицеи в философии русского космизма

опытки осмыслить присутствие в мире зла и несовершенства при наличии благого Начала, называемого Богом или Абсолютом, существовали с древнейших времен. Характерным подтверждением сказанного служит книга Иова в Ветхом Завете. Над этой проблемой размышляли Эпикур, Плутарх, Августин, Фома Аквинский и многие другие мыслители.

Звездный купол – не кровля покоя сердец. Не для счастья воздвиг это небо Творец. Смерть в любое мгновение мне угрожает. В чем же польза творенья? Ответь, наконец $?^1$

Эти слова о смысле мироздания принадлежат выдающемуся ученому, философу и астроному Омару Хайяму (1048-1131).

«Несправедливо, безнравственно, хотелось бы сказать, безбожно сотворить такой мир, как наш, и обречь человека слабого, лишенного знания, на горе и неизбывное страдание. Человек, не лишенный сострадания и элементарного чувства справедливости, не согласился бы сотворить такой мир»². Эта цитата относится к той же философской проблеме и взята не из учебника научного атеизма. Ее автором является выдающийся русский философ Н.А. Бердяев.

Новое время систему богооправдания предло-**В** жил Г.В. Лейбниц в работе «Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла» theos - бог, dike - справедливость). Лейбниц считал, что наш мир является наилучшим, поскольку он вмещает разные степени развития своих су-

ществ. Бог не желает греха и страдания, но на пути к гармонии допускает их для дальнейшего разнообразия и совершенствования. Теорию Лейбница высмеял Вольтер в своем романе «Кандид, или Оптимизм» (1759).

В целом на тот момент удовлетворительных попыток построения теодицеи представлено не было. Одна из статей Иммануила Канта имеет показательное название «О неудаче всех философских попыток теодицеи» (1791). Не отвергая существования благого начала в мире, философ пришел к выводу, что с помощью человеческого разума решить проблему теодицеи невозможно.

К чему же приводит ее нерешенность? Прежде всего к атеизму, поскольку религия не может дать ответы на самые жгучие вопросы о мировой справедливости. Атеизм по крайней мере не обещает вечные муки за грехи одной короткой земной жизни. Небытие после смерти в этом отношении порой выглядит привлекательнее. «Люди серьезные и глубокие, задумывающиеся над смыслом жизни и ищущие истину, делаются иногда атеистами, но потому, что морально не могут разрешить проблему теодицеи, не могут примириться с теизмом»⁴, – писал Бердяев. Интересно, что теодицею называют судебным процессом между человеком и Богом.

Вопросы о смысле жизни и мироздания, о мировой справедливости находились в центре внимания русских философов Серебряного века, и подход к их решению связан с особенностями формирования культурного поля России. Завет Преподоб-(1710)³, который и ввел термин «теодицея» (греч. ного Сергия Радонежского: «Взирая на единство Святой Троицы, побеждать ненавистную рознь мира сего» - и его конкретное воплощение, создание Великим Святым общинности на Руси, стали основой для размышления философов-космистов о всеединстве. Выдающийся ученый и философ Л.В. Шапошникова в книге «Град Светлый» пишет: «...Энергетическое поле Культуры, созданное Сергием [Радонежским], послужило дальнейшему развитию русской мысли. На этом поле в XIX веке вызрели та русская литература и то русское искусство, которые послужили импульсом для развития процесса, завершившегося Духовной революцией»⁵.

Связь и взаимное влияние русской литературы и философии космизма несомненны. Именно в русской литературе проблема теодицеи была по-

даже можно сказать - жестко. Из области отвлеченной метафизики и философских споров, из научных аудиторий и залов для философских бесед она переместилась в трактир маленького провинциального городка Скотопригоньевска. Именно здесь происходит разговор братьев Алексея и Ивана Карамазовых о Боге, свободе, добре и зле. Этому диалогу полностью посвящены две главы («Бунт» и «Великий Инквизитор») романа Ф.М. Достоевского. В ходе беседы Иван заявляет Алеше: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то Божьего не приставлена наиболее сильно, образно, очень остро, нимаю и не могу согласиться принять»⁶. Разговор

М.В. Нестеров. Преподобный Сергий Радонежский. 1899

¹ Хайям Омар. Чаша мудрости. Симферополь: Реноме, 2001. С. 54. (Пер. В. Державина.)

² Бердяев Н.А. Из размышлений о теодицее // Путь. 1927. № 7, апр. С. 50.

дейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла (с приложениями) // Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989.

⁴ Бердяев Н.А. Из размышлений о теодицее. С. 50.

⁵ Шапошникова Л.В. Град Светлый. Новое планетарное мышление и Россия. М.: МЦР, 1999. С. 26.

⁶ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2013. С. 318.

братьев является одной из глубочайших философских бесед. Иван Карамазов очень ярко говорит о страданиях и муках невинных детей, ставя тем самым одну из труднейших проблем теодицеи. Чего стоит пример ребенка, затравленного собаками на глазах у матери. Зло остается безнаказанным. Иван требует возмездия. И даже кроткий Алексей Карамазов, переживая впечатления от рассказа, в первые мгновения готов расстрелять виновника.

Ф.М. Достоевский дал в своем романе ответ Ивану Карамазову, но не с помощью философских рассуждений. Он написал главу «Русский инок», в которой показал взгляды и путь восхождения старца Зосимы. Пример деятельной любви положительных героев Достоевского свидетельствует о Вечности, о бессмертии, о Божественном мире, свет которого озаряет их жизнь, мысли и поступки. Но Достоевский не привел возражений Ивану Карамазову по поводу видимой нами несправедливости мироустройства. Сам Иван признается в романе, что он размышляет о мире, имея «эвклидовский, земной» ум. Решение проблемы теодицеи лежало в ином, более высоком духовном измерении.

В философии русского космизма проблеме богооправдания уделено самое пристальное внимание. Она становится если не главной, то по крайней мере одной из основных. Многие друдобра и зла, смысл жизни и страданий человека и человечества, цена прогресса, цель исторического и космического процессов) являются, по сути, производными от нее.

Отметим, что Павел Флоренский посвятил этому вопросу свою магистерскую диссертацию, которую назвал «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи»⁷. Над проблемой богооправдания размышляли Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой, Вяч. И. Иванов, В. С. Соловьев, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и другие философы.

В.Н. Минаев. Иван Карамазов и Алеша. Иллюстрация к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». 1970–1971

В чем же отличие русской теодицеи от западной? «Мысль этих философов как бы возникла из лона русской литературы и искусства XIX века и синтезировала в себе все то, что внесли последгие философские проблемы (взаимоотношение ние в духовное поле России. Работы этих философов были самобытны, в них отсутствовало традиционное подражание западным школам. В центр своих исследований они выдвинули человека, особенности его духа, эволюционную его судьбу и роль Высшего во всем этом»⁸, – пишет Л.В. Шапошникова.

> «Русская религиозная философия особенно настаивает на том, что философское познание есть познание целостным духом, в котором разум соединяется с волей и чувством и в котором нет рационалистической расчлененности»⁹, – считал Бердяев.

ского космизма – это не просто рационалистическая теория. Она является результатом не только глубокого осмысления, но и переживания кажущейся несправедливости мира. Русская теодицея – не столько учение о причинах зла и несправедливости, «сколько учение о мире и человеке, преодолевающем зло» 10. Философы-космисты рассматривали человека в единстве с Высшим Началом. Неудивительно, что другой гранью теодицеи становится антроподицея – оправдание человека и его высокого предназначения как образа Высшего.

В своей магистерской диссертации Павел Флоренский пишет о взаимных процессах теодицеи (восхождении человека к Богу) и антроподицеи (нисхождении Бога к людям). Причину зла Флоренский видит в оторванности нашего мира от Высшего – от Софии как Божественной Премудрости. Задача состоит в самосозидании и восхождении личности, стремящейся к Высшему. Лишь пройдя через сомнение, подвиг веры, человек осознает премудрость Божественного мироустройства (Софии). Более того, задача теодицеи включает и преображение мира¹¹.

Николай Бердяев видит проблему теодицеи в «оправдании Бога от клеветы, которая на Него возводится человеческими измышлениями» 12. Главным и основным источником зла он считает отпадение от абсолютного бытия, что связано с самоутверждением человека. Бердяев рассуждает о двойственности мироздания и его проявлениях как царства Духа и царства кесаря¹³. Философ считал, что «нужно совершенно отказаться от той рационалистической идеи, что Бог есть мироправитель, что Он царствует в этом природном мире, в мире феноменов»¹⁴.

Интересный взгляд на проблему теодицеи содержит работа Е.Н. Трубецкого «Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи» 15. Автор рассматривает зло как удел относительного хаотического природного мира. Ему противопоставляется идеальный мир духа. Мир относительный должен разрешиться в мире идеальном, пройдя через огонь мировых

Таким образом, теодицея в философии рус- испытаний. Трубецкой определил зло как «восстание против всеединства, а грех – его нарушение» ¹⁶.

> Владимир Соловьев считал, что мир и Бог находятся по отношению друг к другу в состоянии неслияния и в то же время единства. Мир еще не достиг идеального состояния – всеединства – и находится на пути к нему. Особое место в этом процессе принадлежит человеку. Связующую роль между Миром Высшим и человеком выполняет София – душа мира, божественная природа¹⁷.

> Н.О. Лосский пишет об абсолютных (истина, нравственность, добро, свобода, красота) и относительных ценностях. Погоня за относительными ценностями, которыми человек дорожит в своей жизни, свидетельствует о его эгоизме, который и является первичным злом. Зло – это отсутствие добра и следствие себялюбия. Мы сами создали несовершенства нашей жизни и являемся виновниками зла и страданий, которые испытываем. В своих рассуждениях Лосский выходит за границы православной аксиоматики и, развивая мысли Лейбница, разрабатывает идею предсуществования души и перевоплощения¹⁸.

> Видя все несовершенства мира, русские философы-космисты пытались найти решение проблемы теодицеи прежде всего в образе жертвенной любви Христа, представляющего в христианской традиции одну из ипостасей Божественной Троицы. Николай Бердяев пишет: «Невозможно построить теодицею, если исходить от Бога, и невозможно ее построить, если исходить от человека. <...> Христос-Богочеловек и есть единственная возможная теодицея и антроподицея» 19.

> Отметим, что проблема теодицеи не может быть решена полностью в рамках отдельной религиозной системы, признающей свою исключительность и считающей свой путь спасения единственным. В этом случае невозможно объяснить судьбу приверженцев других религиозных систем, которые по определению спасению не подлежат.

> Интересно, что в работе известного религиозного мыслителя Ивана Ильина мы встречаем такую мысль: «Свет христианства освещает нам не только жизнь христианских народов за две тысячи лет, но и жизнь нехристианских народов как

⁷ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи. М.: Путь, 1914.

⁸ Шапошникова Л.В. Новое планетарное мышление и Россия // Шапошникова Л.В. Мудрость веков. М.: МЦР, 1996. С. 434.

⁹ Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 197.

¹⁰ Управителев А.Ф. Теодицея // Русская философия: Словарь. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. С. 503.

¹¹ См.: Управителев А.Ф. Теодицея // Русская философия: Словарь.

¹² Бердяев Н.А. Из размышлений о теодицее. С. 58.

¹³ См.: Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря // Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. Ростов н/Д: Изд-во

¹⁴ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. С. 497.

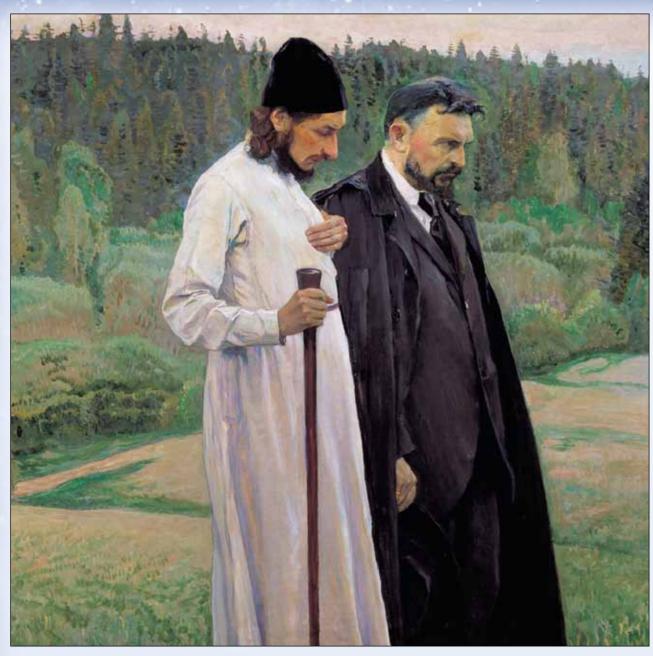
¹⁵ См.: Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи. Публичная лекция // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. С. 223–245.

⁶ Цит. по: Управителев А.Ф. Теодицея // Русская философия: Словарь. С. 503.

¹⁷ См.: Гайденко П.П. Соловьев Владимир Сергеевич // Русская философия: Словарь. С. 454–459.

¹⁸ *Лосский Н.О.* Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. С. 386–389.

¹⁹ Бердяев Н.А. Из размышлений о теодицее. С. 54.

М.В. Нестеров. Философы (Портрет П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова). 1917

за время, истекшее после Рождества Христова, так и за время, ему предшествующее. Именно поэтому все чистое, глубокое, благородное и художественное, что когда-нибудь появилось на земле или дошло до нас, испытывается нами, христианами, как близкое, родственное нам по духу, как подлинно великое и драгоценное, незримо навеянное силой веруемого нами Господа, еще не открывшегося человеческому сознанию, но таинственно вдохновляющего человеческие сердца»²⁰.

Наличие представлений в христианстве о вечных адских мучениях в качестве наказания за кратковременную земную жизнь — это еще одна неразрешимая проблема теодицеи.

На мой взгляд, достаточно убедительно проблема теодицеи решена в известном произведении Даниила Андреева «Роза Мира». Равновесие мироздания он видит в действии закона причинно-следственной связи – кармы. Важно, что он также признает в качестве духовного пути и другие религиозные системы. Для грешников не закрыт путь духовного восхождения. Решая проблему теодицеи, философ указывает на ее основное противоречие: если Первотворец всемогущ, то он ответственен за зло и страдания мира, следовательно, он не благ. Даниил Андреев считает, что «Господь творит из Себя. <...> Таким образом, божественное творчество само ограничивает Твор-

ца, оно определяет Его могущество той чертой, за которой лежат свободы и могущества Его Творений» ^{21} . Однако Бердяев утверждал, что «роковым качеством свободы человека наделил Творец, который отлично знал, как человек злоупотребит своей свободой и к каким горестным результатам она приведет» ^{22} .

На этом круг логических рассуждений замыкается, и мы возвращаемся к тому, что с помощью интеллектуальных построений окончательно решить проблему теодицеи в рамках христианской аксиоматики не представляется возможным. Не случайно Семен Людвигович Франк в своей работе «Непостижимое» сравнивает проблему теодицеи с квадратурой круга — неразрешимой математической задачей²³.

Николай Бердяев писал: «Христианская теодицея явлена в жизни и опыте, она заключена в Священном писании, она показана на вершинах христианской мистики и святости. Но в познании, в мышлении не было еще построено скольконибудь удовлетворительной христианской теодицеи и было построено много оскорбительного и для достоинства Бога и достоинства человека, много было ложных посягательств на Божественную Тайну»²⁴.

Очевидно, что проблема теодицеи стала движущей силой в философии русского космизма и попытки ее решения привели ко многим интересным нахождениям. Понять глубину этих размышлений можно, используя новую научную методологию Живой Этики и работы Л.В. Шапошниковой. На пути осмысления проблемы теодицеи русские философы-космисты описали космический закон двойственности, энергетическое взаимодействие духа и материи и, насколько возможно, максимально приблизились к ее решению. Все они представляли мироздание существующим в двух планах и считали, что зло не имеет онтологического статуса. Причиной зла большинство из них определили эгоизм и себялюбие человека, а также оторванность от Высшей реальности. Философы-космисты видели мир в единстве. В их работах теодицея сочеталась с антроподицеей. Человек должен преобразиться, чтобы постичь замысел Божий. Цель исторического процесса философы-космисты понимали в восстановлении нарушенной связи между человечеством и Высшим Началом.

Однако, повторим, полностью проблема теодицеи не могла быть решена в рамках христианской аксиоматики, где Высшее Начало считается личностью и так или иначе несет ответственность за существование в мире зла и несправедливости. Проблема теодицеи — ахиллесова пята христианского богословия. Эта проблема будет возникать вновь и вновь, приводя к агностицизму и атеизму. Как писал Николай Бердяев, «против Бога восставали не только люди, утерявшие духовность. Но и люди с чуткой совестью иногда восставали против Бога во имя добра, во имя жажды справедливости»²⁵.

Создается впечатление, что в пространстве современной Русской православной церкви объяснение проблемы теодицеи является шагом далеко назад по сравнению с взглядами философов-космистов. Так, 6 мая 2009 года, накануне Дня Победы, патриарх Кирилл высказал мысль, что Великая Отечественная война была наказанием за богоотступничество народа. В январе 2009 года, когда отмечалась 65-я годовщина снятия блокады Ленинграда, клирик Санкт-Петербургской епархии Алексий Успенский назвал блокаду наказанием Божьим за революцию 1917 года²⁶. Подобные заявления вызвали возмущение многих мыслящих людей, поскольку такая ветхозаветная трактовка не соотносится ни с совестью человека, ни со здравым смыслом. Как тут не вспомнить мысль из упомянутого ранее разговора братьев Ивана и Алексея Карамазовых о том, что и дьявола, и Бога человек сотворил по образу и подобию своем y^{27} .

Проблема теодицеи, над которой мучились многие известные философы, получила решение в теософии и в Живой Этике – научно-философских системах, разработанных Еленой Петровной Блаватской и Еленой Ивановной Рерих в сотрудничестве с Учителями Востока. Новый уровень понимания этой проблемы был связан с новой ступенью осознания Космоса, с построением гармоничной научно-философской системы мироздания и осознанием Абсолюта не как личности, а как Божественного Начала, или Принципа. Это представление о Высшем дали Учителя Востока (Махатмы), Космические Иерархи, которые сами к этому Высшему наиболее причастны и духовный уровень которых неизмеримо высок.

²⁰ Ильин И.А. Основы христианской культуры // Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. С. 317.

²¹ Андреев Д.Л. Роза Мира. Метафилософия истории. М.: Прометей, 1991. С. 49.

²² Бердяев Н.А. Из размышлений о теодицее. С. 51.

 $^{^{23}}$ См.: Франк С. $\hat{J}$. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Библиотека религиознофилософской и художественной литературы «Вехи» (офиц. сайт). URL: http://www.vehi.net/frank/nepost/index.html

²⁴ Бердяев Н.А. Из размышлений о теодицее. С. 61.

²⁵ Там же. С. 50.

²⁶ См.: Мифология войны // Независимая газета. 2009. 16 июня.

²⁷ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 323.

Елена Рерих

В письмах Махатм строение Космоса объясняется с помощью аналогий²⁸. Приводится пример соответствия между микрокосмом-человеком и Космосом. Человеческий ум в его связи с телом представлен в виде мозга и мозжечка. Мозг отвечает за мыслительные процессы, а мозжечок является источником непроизвольной нервной энергии. Так же и Космос имеет два атрибута – безличное Высшее Начало и Высший Космический Разум.

Высшее Божественное Начало представляет Потенциал Разума – движение или силу, которая ведет к эволюционному развитию Космоса. Е.П. Блаватская в «Тайной Доктрине» пишет о Нем как о «Единой, Абсолютной Действительности», или о «Вездесущем, Вечном, Беспредельном и Непреложном ПРИНЦИПЕ, о котором никакие рассуждения невозможны, ибо он превышает мощь человеческого понимания и может [быть] лишь умален человеческими выражениями и уподоблениями. Он вне уровня и достижения мысли и <...> "Немыслим и Несказуем"»²⁹. Своим ограниченным умом мы не можем постичь эту беспредельность.

Описывая одухотворенный Космос, Е.И. Рерих говорит об этом Непостижимом Начале как о «Вселенском Законе <...>, дающем каждой искре, исшедшей от Него, все свойства Свои, предоставляя ей следовать свободному выбору в применении их на строительство или разрушение»³⁰.

Высший Космический Разум, по выражению Елены Ивановны Рерих, есть «именно Коллективный Разум и Сердце Великой Иерархии Сил Света. Именно Разум и Сердце этих величайших Духов, завершивших свою человеческую эволюцию на эту Манвантару здесь или на иных мирах и даже Солнечных системах, руководят силами, им подчиненными, и судьбами разных человечеств в разных мирах. Не вмешиваясь в карму человечества, Они все же дают ему основу сознания и направление эволюции, ибо без этого Води-

В письмах Махатм строение Космоса объясняся с помощью аналогий²⁸. Приводится пример ответствия между микрокосмом-человеком бы не раз полное крушение»³¹.

Относительно проблемы добра и зла в письмах Махатм сказано: «Таким образом, лишь само Человечество является истинным источником зла. Зло есть <...> порождение человеческого себялюбия и жадности»³². То есть онтологически зло не является частью мироздания, зло есть отсутствие добра. Источником зла является человек,

своим эгоизмом нарушающий космические законы и отдаливший себя от Высшей Реальности.

Н.К. Рерих поэтически выразил эту мысль в стихотворении «Тогда» (1916):

<...> Зла – нет.
Зло сотворить Великий не мог.
Есть лишь несовершенство.
Но оно так же опасно, как то,
Что ты злом называешь. <...>
Но каждым поступком
лжи, гнева и глупости
создаём бесчисленных тварей,
безобразных и страшных по виду,
кровожадных и гнусных³³.

Мировая справедливость объясняется действием законов великого равновесия, или причинноследственных связей (кармы) и перевоплощения. В случае космических, природных и социальных катаклизмов мы имеем дело не с гневом сверхъ-

естественного существа, а с нарушением гармонии или равновесия. Это нарушение вызывает сам человек. Результаты нарушения закона причинно-следственных связей человек может ощутить не только в текущем, но и в своих новых воплощениях.

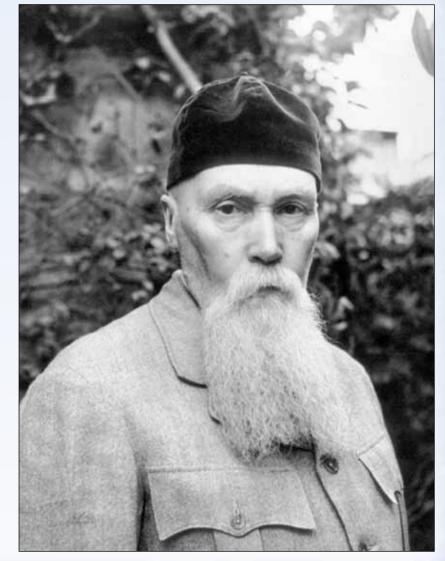
Таким образом, в теософии и Живой Этике создана стройная и логичная научно-философская картина мироздания, а проблемы, связанные с теодицеей, полностью решены с научно-философской позиции. Отметим, это еще раз доказывает, что обе системы – именно научно-философские, а не религиозные: согласно теософии и Живой Этике основой одухотворенного Космоса является не сверхъестественное существо, а бесконечный и непостижимый Принцип, который Е.И. Рерих называет Божественным Началом.

Познание Высшей реальности возможно не столько с помощью рационалистических рассуждений, сколько через любовь и творчество. «Из земных пред-

метов любовь и творчество больше всего сочетаются с понятием высшего мира. <...> Так послужите миру высшему и науке. Пусть через любовь в свете знания прояснится мысль о мире высшем»³⁴.

Процесс познания – беспределен, как беспределен в потенциале и сам человек.

XX и XXI века принесли человечеству новые испытания. Проблема добра и зла обострилась как никогда раньше. Подтверждение этому — мировые войны, концентрационные лагеря, режимы тирании, всплеск терроризма, забвение культуры и расчеловечивание людей в пространстве механистической цивилизации. Именно космизм, или новое Космическое мировоззрение, дает нам верные ориентиры в этом непростом двойственном мире, через который проходит лестница эволюционного восхождения человека. Это мировоззрение помогает понять предназначение человека, которое в стихотворении поэта Дмитрия Голубкова выражено строками: «Человек, как звезда, рождается, чтоб светлее стала Вселенная!»

Николай Рерих

²⁸ См.: Чаша Востока. Рига; М.; Минск: Лигатма, Мога-Н, 1995. С. 187–191.

³³ *Рерих Н.К.* Цветы Мории. Пути Благословения. Сердце Азии. Рига: Виеда, 1992. С. 36–37.

³⁴ Учение Живой Этики. Аум, 234.

²⁹ Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. В 2 т., 4 кн. Минск: Мастацкая литература, 1993. Т. 1. Кн. 1. С. 57.

³⁰ Рерих Е.И. Письма: В 9 т. Т. 2. М.: МЦР, 2000. С. 364.

³¹ Рерих Е.И. Письма: В 9 т. Т. 3. М.: МЦР, 2001. С. 73.

³² Чаша Востока. С. 183.

Способы метанаучного познания в русском космизме

усский космизм как направление в фило-XX века, объединяет мыслителей, ученых, устремивших исследовательскую мысль на познание взаимосвязи всего сущего во Вселенной. Использование целого ряда не только научных, но и духовных, или вненаучных, как классифицирует их современная академическая наука, способов получения знаний позволило мыслителям-космистам избежать обездушенности и механистичности научного творчества. В этой связи русский космизм несет тенденцию к синтезу науки и метанауки, применяя способы познания, известные еще с эпохи мифологического мышления: сны, видения, образные восприятия, озарения, откровения и др.

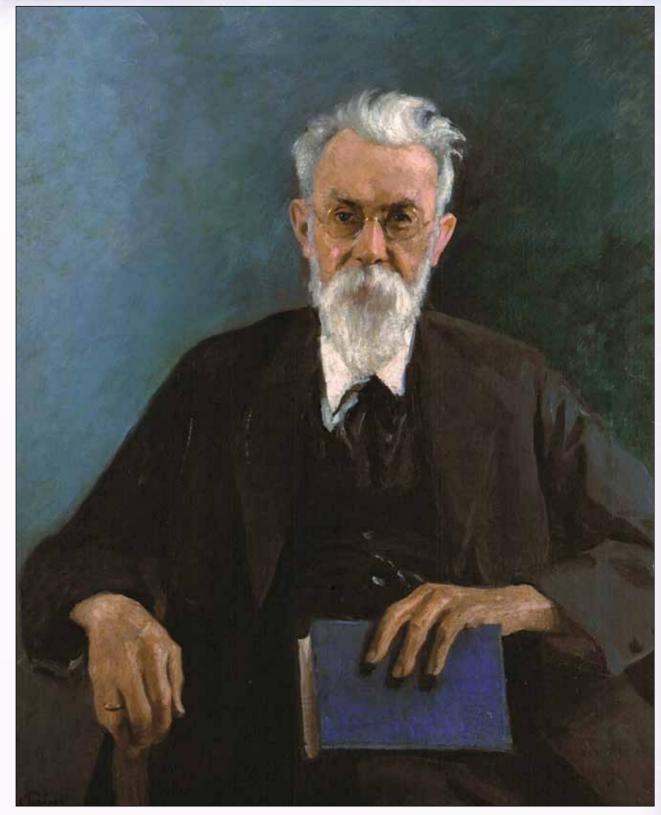
Николай Александрович Бердяев, размышляя над природой откровения, выделил ряд особенностей данного способа познания. Во-первых, откровение не объяснимо «исторической причинностью»¹. Во-вторых, оно «открывается внутреннему, духовному человеку <...>. Откровение есть как бы пробуждение внутреннего человека, существование которого предшествует возникновению объектного мира»². В-третьих, откровение «всегда носит характер прорыва иного мира»³ в мир плотный. В-четвертых, «откровение идет не только сверху, оно подготовляется и снизу, <...> от человека, от его творческой активности», «зависит от состояния человека» 4. В-пятых, Бердяев поясняет, что откровение - это «всегда пронизывание человека божественным лучом, изменяющим человеческое сознание»⁵. Таким образом, в откровениях человек выступает в качестве посредника между Высшим миром и земным человечеством и служит не пассивным воспринимающим объектом, но субъектом процесса.

Немаловажным условием принятия откровесофии, зародившееся в конце XIX-начале ния, по мнению Бердяева, является и то, что оно «должно быть приемлемо для человеческого сознания»⁶, то есть уровень сознания личности должен соответствовать поступающему знанию. Однако в любом случае, как пишет Бердяев, сознание человека накладывает определенную «антропоморфную и социоморфную печать»⁷, другими словами, человек вносит так или иначе искажения в первоначальный энергоинформационный импульс из Высших сфер, пропуская его через свой внутренний духовный мир.

> Выявленные Бердяевым сущностные особенности духовного процесса, который мы называем откровением, позволили мыслителю прийти к выводу, что его субъектом может стать лишь человек высокого духовного потенциала: «Всегда были люди Духа, всегда были подготовители эпохи Духа, всегда были люди профетического Духа. Всегда были в истории христианства люди, у которых был неохлажденный огонь. Всегда были мудрецы, которые излучали свет, они были в мире дохристианском. Всегда существовали мистики универсального значения»⁸.

> Не только Бердяев, но и другие философыкосмисты считали, что в новой науке должны занять достойное место метанаучные способы познания. Владимир Иванович Вернадский писал, что их отделение от науки может быть «только в воображении»⁹.

Сам Вернадский имел яркий опыт духовного познания во время болезни, когда он буквально прожил часть своей будущей жизни и, как истинный ученый, подробно и последовательно записал его. Он четко осознавал реальность происходящих с ним процессов и не воспринимал их как

И. Грабарь. Портрет Владимира Ивановича Вернадского. 1935

видел их (а м[ожет] б[ыть] и видел) и, во всяком с тем я бодрствовал»¹⁰.

иллюзии или как построения рассудка. Вернад- случае, чувствовал – например, чувствовал двиский писал: «Я не только мыслил и не только сла- жение света и людей или красивые черты прирогал картины и события, я, больше того, почти что ды на берегу океана, приборы и людей. А вместе

¹ *Бердяев Н.А*. Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 1996. С. 46.

² Там же. С. 17. ³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ Там же. С. 147-148.

⁹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. С. 31.

¹⁰ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 112−113.

учное вдохновение», пережитое во время болезни, не было для него единственным опытом духовнолыми рассказами, – пишет он, – обычная форма <...> молчаливых прогулок или сидений» ^{11} .

Всей своей жизнью и всем научным творчеством Вернадский доказал возможность синтеза научного и метанаучного способов познания и применимость в науке информации, полученной из более тонких, высоких сфер инобытия. Именно в моменты духовных прозрений он находил новое в научной области. Интересны свидетельства ученого о возможностях, которые откроются перед человечеством при исследовании мышления. Эти свидетельства фиксируют реальное существование мыслей, отличающихся особым качеством и степенью утонченности. В момент получения информации, пишет В.И. Вернадский, «ярко пробегали в моей голове <...> некоторые из этих мыслей, которые казались мне очень важными и обычно фиксировались в моем сознании краткими сентенциями и какими-то не выраженными словами, но прочувствованными моим внутренним чувством, моим "я" и очень мне тогда ясными впечатлениями»¹². Это говорит о том, что перед нами тонкоэнергетический процесс, едва уловимый лишь на уровне чувствознания.

Из личного опыта Вернадского следует и другой важный вывод: процесс восприятия мыслей из тонких миров сопровождается особым состоянием подъема, вдохновения, радости, когда мысли как бы возникают все, целиком, но «выявляются» и осознаются они не сразу, а постепенно, с течением времени. Исследуя духовный опыт Востока, Вернадский пишет об интуитивном методе познания, характеризуя его как «углубленное, словесно не выражаемое переживание»¹³. Прослеживая связь интуиции с научным познанием, он утверждает, что «интуиция, вдохновение - основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем, - не вызываются ни научной, ни логической мыслью, не связаны со словом и с понятием в своем генезисе. В этом основном явлении и в истории научной мысли мы входим в область явлений, еще наукой не захваченную, но мы не только

Из записей Вернадского мы понимаем, что «на- не можем не считаться с ней, мы должны усилить к ней наше научное внимание» 14.

Как и Вернадский, Циолковский знал о духовго познания. «Мысль образами и картинами, це- ных путях познания космической реальности. Л.В. Шапошникова, академик РАЕН и РАКЦ, пишет, что «метанаучный способ познания в научной работе Циолковского преобладал над эмпирическим» 15. Действительно, из глубин инобытия являлись ему творческие озарения и космические образы. Константин Эдуардович знал о существовании высших существ и о возможности общения с миром иных пространственных измерений, он пишет, что был «свидетелем таких явлений» 16. Как и Бердяев, он пришел к выводу, что глубина и полнота духовного познания зависят от уровня сознания принимающего космический импульс, и добавлял, что «голос вселенной» можно воспринимать как «непосредственно», так и через вестников, то есть «других существ, большею частью уже ушедших из нашего мира, но оставивших нам в том или другом виде свои труды» ¹⁷.

> О необходимости целостной системы познания, включающей как эмпирические методы исследования, так и метанаучные, писал и Александр Леонидович Чижевский. К духовным способам познания Чижевский относил и интуицию, и озарение, и образное мышление – словом, все то, что побуждало к размышлениям, построению гипотез, переходящих в экспериментальные исследования. Чижевский отмечал, что сущностной составляющей видимого образа является некое невидимое духовное явление, которое, только будучи верно понятым, дает возможность познать его сокровенные глубины. Через «творчество образов» он раскрывал и познавательную суть поэзии, представляя ее как результат духовных откровений, которых «не достигнет строго размышляющая философия или наука» 18.

> Личный опыт духовного познания Чижевский раскрывает прежде всего через свое поэтическое творчество, понимая под искусством поэзии такое произведение, «которое "расширяет" наше познание мира, явлений, вещей, событий; приводит в движение нашу мысль и тем самым заставляет мыслить и имеет само по себе, независимо от влияния на нас, философскую, этическую и эстетическую ценность» 19.

Поэтическое мироощущение Чижевского оказывало большое влияние на его научное творчество, открывая перед ним еще неисследованные области, предоставляя возможность познавать сущностные аспекты мироздания. Через поэтическое творчество Чижевский-ученый рассматривает феномен сна как один из духовных способов познания, который, по его мнению, есть отражение иных, более утонченных пространств, но столь же реальных, как реален для человека земной мир. Чижевскому знаком и метод чувственного познания, который он называл шестым чувством и определял его как «суммирующее восприятие первых пяти чувств, создающее новые и новые логические здания, предвосхищающие непосредственные данные самой природы»²⁰.

Чижевский понимал и ценность озарения как способа духовного познания. Испытав радость таких мгновенных прозрений, ученый пытался записать свой духовный опыт: «После того, как молниеносно (именно подобно молнии) мелькнула та или иная идея, ученый приступает к ее "материализации". <...> Но бывает и так, что он поражается глубиной идеи, стоит как вкопанный, будучи не в состоянии производить какое-либо движение, и только постепенно приходит в себя. Тогда как одержимый он бросается к бумаге и набрасывает корявыми буквами свою мысль. В голове у него шумит, он ничего не различает вокруг себя, гонит всех прочь, ходит взад и вперед по комнате, иногда свистит и кричит: "Эврика!" (Я нашел), бежит под кран, чтобы остудить свою горячую голову, не замечая никого и отталкивая всех на своем пути»²¹. Подобные свидетельства тонкоэнергетического восприятия чрезвычайно важны в процессе создания новой системы познания. Здесь описан целый комплекс духовных ощущений и переживаний, которые требуют анализа ученых из разных областей науки.

Интересен опыт творческого соприкосновения с инобытием Павла Александровича Флоренского. Свое учение философского символизма он назвал «Конкретная метафизика». Здесь понятие «метафизика» подразумевает рассмотрение духовных феноменов, стоящих за реальными физическими явлениями, а определение «конкретная» подчеркивает, что духовное выступает не отвлеченно, а выражено в реальном чувственном воплощении. Эту выраженность духовного через чувственное Флоренский обозначил как «символичность».

Сам процесс духовного познания для него – это прежде всего живое чувственное общение с познаваемым, «реальное выхождение познаваемого в познающего»²², которое Флоренский называет «единением»²³, причем пути познания и способы определяются не познающим, а Высшим: «Пути намечаются из средоточия. Их может быть бесчисленное множество, это игра познаваемой реальности»²⁴.

Тот факт, что описываемые Павлом Флоренским способы духовного познания были им прочувствованы и лично освидетельствованы, демонстрирует следующая запись одного, как он пишет, «таинственного факта»: «вхождение Бога в меня как в субъекта (познания) и меня в Бога как в объективную Истину»²⁵. Здесь сам Флоренский выступает в качестве свидетеля того, что человек не только может являться объектом познания, но

Millippopularian (1977)

¹¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 13.

¹² Вернадский В.И. Из дневника // Прометей: Истор.-биогр. альманах. Т. 15. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 18.

¹³ Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941. Кн. 1. 1935–1938. М.: Наука, 2006. С. 373.

¹⁴ *Вернадский В.И.* Труды по философии естествознания. С. 412.

¹⁵ Шапошникова Л.В. Великое путешествие: В 3 кн. Кн. 3. Вселенная Мастера. М.: МЦР, 2005. С. 927.

¹⁶ Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: ИДЛи, 2004. С. 113.

¹⁷ Цит. по: Демин В.Н. Циолковский. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 304.

¹⁸ Цит. по: *Томилин К.А*. Вокруг трепещет пульс Вселенной: А.Л. Чижевский // Философия русского космизма. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. С. 164.

¹⁹ Цит. по: *Шапошникова Л.В.* Великое путешествие. Кн. 3. Вселенная Мастера. С. 559.

²⁰ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы // Духовное созерцание. 1997. № 1–2.

²¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. М.: Мысль, 1995. С. 346.

²² Флоренский П.А. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. У водоразделов мысли. С. 79.

²⁴ Там же. С. 32.

²⁵ Цит. по: П.А. Флоренский: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1996. С. 80.

и способен подняться до сознательного сотрудничества с Высшим.

лений. Кроме того, в духовном познании присутствует некая творческая изменчивость, тогда как

Живой личный опыт духовного познания, определяемый Флоренским как экстаз, он имел с детства, через чувственное восприятие: «С детства запахи были для меня выражением глубочайшей сущности вещей, и я всегда ощущал, <...> что через запах я сливаюсь с самою вещью»²⁶.

В своих работах он описал несколько способов духовного познания. Исследуя феномен интуитивного творчества, Флоренский попытался облечь его в словесную форму. Для этого он ввел понятие «словесная клетка» в качестве некоего «словесного первоявления» и определил ее как «место входа из мира бессловесного – в словесный»²⁷, то есть из мира тонкого в плотный. Именно этой «словесной первоклеткой», считает Флоренский, «вводится творческая энергия в мир»²⁸, и в дальнейшем происходит лишь расширение области ее проявления. Причем Флоренский считает, что интуиция, какой бы определенной она ни была, не может быть подвергнута «окончательному анализу», «ибо неведомое – прежде всего есть неведомое, в своей особой качественности, и то познание, которое сделало бы его не неведомым, которое лишило бы его качества неведомости, было бы не познанием, а величайшим заблуждением»²⁹.

Таким образом, личный опыт проникновения ученых-космистов в глубины духовного познания позволяет сделать ряд обобщений.

Во-первых, наука будущего должна быть основана на рациональном гармоничном сочетании научных и духовных способов познания.

Во-вторых, духовное познание предшествует научному.

В-третьих, духовное познание как непосредственное знание отличается от рассудочного, опирающегося на логический аппарат определений, силлогизмов и доказательств. Духовные способы познания позволяют постичь сущность явления или предмета, увидеть его целиком, что дает возможность преодолеть ограниченность известных научных подходов к решению задач и выйти за рамки привычных, одобряемых логикой представ-

 ^{26} Цит. по: *Шапошникова Л.В.* Великое путешествие. Кн. 3. Вселенная Мастера. С. 672.

П.А. Флоренский в своем кабинете. Сергиев Посад. ► Нач. 1930-х гг. Фото В.П. Флоренского. Архив семьи Флоренских

лений. Кроме того, в духовном познании присутствует некая творческая изменчивость, тогда как в понятиях рассудочного знания мыслятся лишь незыблемые, общие положения вещей. Также важным отличием видится и то, что инструментом духовного познания является сердце, а эмпирического – интеллект.

В-четвертых, среди сущностных особенностей духовных способов познания можно выделить следующие: 1) в зависимости от уровня сознания человек может выступать как объектом, так и субъектом вненаучного познания, причем субъектом может стать только высокодуховная личность; 2) пропуская космический импульс через свое сознание, человек так или иначе изменяет его; 3) духовное познание приводит к изменению сознания

человека; 4) духовное познание сопровождается особым состоянием подъема и радости.

Русские космисты, как ученые нового типа, стремящиеся к объединению научных и духовных способов познания, к единению познающего и познаваемого, к выдвижению на первый план нравственно-этических ориентиров, безусловно, внесли неоценимый вклад в формирование новой системы познания и, как пишет Л.В. Шапошникова, «создали каркас будущей системы познания и будущей науки <...>. Но назвать это системой нельзя <...>. Это были лишь отдельные мысли и отдельные идеи»³⁰.

Новую систему познания, основанную на синтезе научных и вненаучных знаний, несет Живая Этика, созданная Еленой Ивановной и Николаем Константиновичем Рерихами в сотворчестве с Учителями Востока. Именно Живая Этика осуществила стремления русских ученых-космистов объединить науку и метанауку, эмпирические методы познания и духовные, и с этой точки зрения во всей полноте представить целый комплекс духовных способов познания. Как говорится в Живой Этике, «наступило время, когда древние символы знания должны претвориться в научные формулы»³¹.

³¹ Братство, 42

²⁷ Флоренский П.А. Сочинения: В 4 т. Т. 3 (2). М.: Мысль, 2000. С. 183.

²⁸ Tax 103

 $^{^{29}}$ Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М.: АСТ, 2004. С. 212–213.

³⁰ *Шапошникова Л.В.* Великое путешествие. Кн. 3. Вселенная Мастера. С. 802.

Космизм Велимира Хлебникова

Взлететь в страну из серебра, Стать звонким вестником добра. В. Хлебников

Велимир Хлебников (1885–1922) – уникальный русский поэт Серебряного века, которого при жизни друзья величали Председателем Земного Шара и Королем времени Велимиром первым. Желая придать точность гуманитарным знаниям, Хлебников ввел числа, математические исчисления и геометрические представления в поэзию, языкознание и историю. Он хотел сблизить художественное и научное творчество. Поэт-экспериментатор, Хлебников весьма труден для понимания, и его творчество всегда вызывало споры. Некоторые хлебниковеды считают его феноменом, тайна которого до сих пор не разгадана.

Далее я постараюсь объяснить феномен Хлебникова с философской точки зрения, раскрыть особенности его литературного и идейно-теоретического наследия с позиций космизма, который присущ мировоззрению поэта и заметно проявляется в его стихах, прозе и статьях.

Будучи студентом Казанского университета, Велимир, горячий сторонник геометрии Лобачевского, подолгу вглядывался в ночное небо и пытался читать книгу созвездий. Ему хотелось ощутить дыхание иных миров и приблизиться к разгадке тайн пространства и времени. Он был убежден, что земные события и судьбы людей связаны с космическими явлениями и процессами, и писал об этом в одном из ранних стихотворений:

Ночь, полная созвездий.
Какой судьбы, каких известий
Ты широко сияешь, книга?
<...>
Какой прочесть мне должно жребий
На полночью широком небе?¹

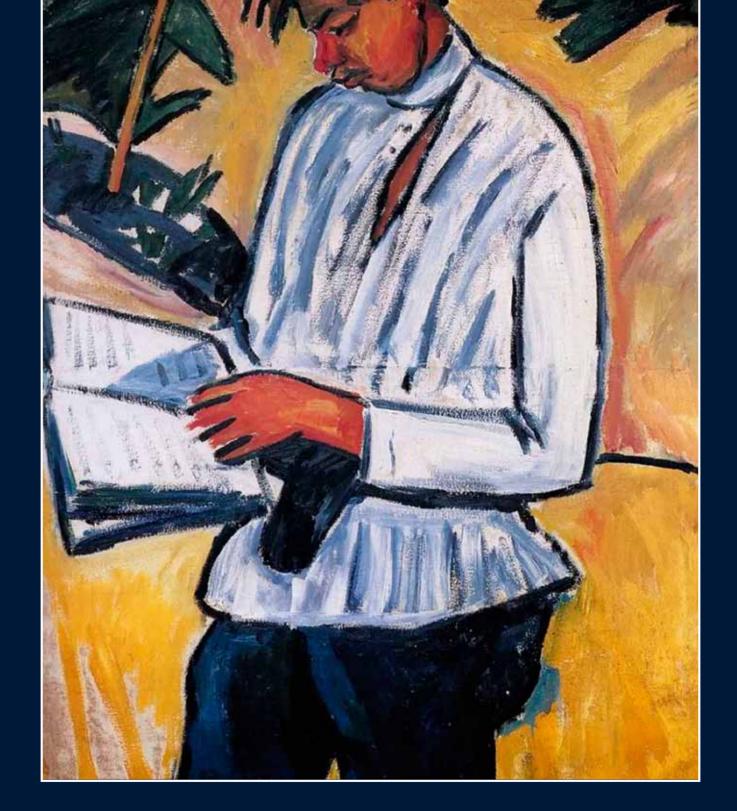
Хлебников жил и творил в удивительное пассионарное время, каким было начало XX века. Ненавидевший все рабское, торгашеское, пошлое, мелкое, поэт всегда был устремлен к возвышенному, великому и вселенскому. Если исходить из философских положений Живой Этики, в тот пе-

риод человечество получило мощное энергоинформационное воздействие со стороны духовного Космоса. Тогда многим казалось, что мир стоит на пороге Новой эры. Появились радио, кино, авиация. Революция в естествознании намного углубила научные представления о материи, движении, пространстве и времени, строении Вселенной в целом. Дух новаторства проявился и в художественной сфере, в литературе, философии и даже религии. В России произошел буквальный взрыв духовной культуры. Многочисленная плеяда выдающихся русских философов, ученых, поэтов, писателей, художников, композиторов вышла на культурно-историческую арену конца XIX – начала XX века. Тогда же сформировался как направление философской мысли и русский космизм в лице своих известных творцов.

Что есть космизм как таковой? Это комплекс мировоззренческих идей и установок, выражающих устремление человека к небу, космосу, Вселенной, его желание определить свое не только земное, но и космическое место в мире и в соответствии с ним повысить свой онтологический статус как разумного и творческого существа, влияющего на планетарную и космическую социоприродную эволюцию.

Космизм имеет свои мифологические корни и в истории культуры проявлялся в разных концепциях². Философские векторы космизма – это направления человеческого духа от локально-местного к глобально-планетарному и вселенскому, от этнического и конфессионального к общечеловеческому и экуменическому, от одномирности к многомирию, от конечного к бесконечному, от временного к вечному, от смертности к бессмертию. Базовый постулат космизма – всеединство, которое охватывает как универсум и его атрибуты, космос и Землю, так и человечество, общественную жизнь, культуру и духовные сферы.

Космизм – это отрицание пустоты Вселенной, это убеждение, что она населена разнообразными формами жизни и разума, и признание возможно-

¹ Хлебников Велимир. Творения. М.: Советский писатель, 1987. С. 83.

 $^{^{2}}$ См.: *Хайруллин К.Х.* Философия космизма. Казань: Дом книги, 2003.

Проблемы русского космизма

 Λ . Д. Крюков. Портрет Н.И. Лобачевского. Первая половина XIX θ .

сти их влияния на земную жизнь и историю. Это шаются в ход мироздания»⁴. оценка человека как гражданина Вселенной, имеющего перспективы стать сверхсуществом и наладить взаимоотношения с жителями иных миров. Освоение космоса понимается двояко – как освоение инопланетных миров и как проникновение в миры других измерений.

Следует отметить, что космизм - мировоззрение оптимистическое, оно наполнено верой в силу человеческого гения, в великое будущее человечества. В то же время космизм не исключает вероятности глобальных планетарно-космических катастроф, угрожающих человечеству уничтожением, и призывает людей к бдительности и готовности парировать эти угрозы. Космизм обосновывает необходимость изгнать войны из человеческой истории. Он зовет человечество к единению и от-

усилий всех народов и стран Земли в решении насущных глобальных проблем.

Многие представленные аспекты космизма в той или иной мере, порой в причудливой форме, присутствуют в произведениях Хлебникова. Его космизм носит художественный философско-поэтический характер.

Октябрьская революция в России гулким эхом прокатилась по земному шару, еще более усилив ощущения и ожидания многих людей, которые уповали на новое, справедливое устройство мира. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» воспринимался как призыв к мировой революции, которая, как тогда казалось, уже не за горами. В воображении тех, кто восторженно встретил революцию, вставал образ исполина Пролетария, грядущего освободителя и спасителя человечества, который установит на планете справедливость и поведет людей в космос, к другим мирам. Много стихотворений посвятили этому поэты Пролеткульта ^{3} .

Хлебников не был пролеткультовцем, он принадлежал к литературному цеху футуристов, но и он писал в те годы пафосные и удалые стихи об установлении власти трудового люда над земным шаром и о дерзновенных завоеваниях звездного пространства, мечтая о временах, когда «...руки рабочего вме-

Люди и звезды – братва! Люди! Дальше окоп К силе небесной проложим. Старые горести – стоп! Мы быть крылатыми можем. Я, человечество, мне научу Ближние солнца честь отдавать! «Ась, два», — рявкая солнцам сурово ^{5} .

Я, носящий весь земной шар На мизинце правой руки – Мой перстень неслыханных чар, -Тебе говорю: Ты!..⁶

Поэтическая гигантомания и чрезмерная ги-

ветственности, к согласованной концентрации перболизация были присущи Велимиру, одна-

³ Пролетарские поэты первых лет Советской эпохи. Л.: Советский писатель, 1959.

ко его космизм качественно отличается от пролеткультовского, который носил поверхностный лозунговый характер. Космизм Хлебникова гораздо глубже, многообразнее и богаче по своему

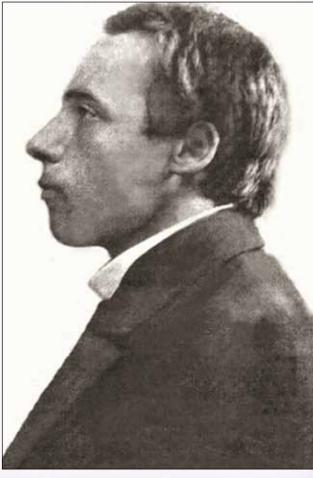
Хлебников принадлежал к числу тех, кто Октябрьскую революцию воспринимал как пролог планетарно-космической и онтологической революции, способной кардинально изменить жизнь человека и человечества. Он был максималист, ему мало было победы труда над капиталом в планетарном масштабе, всеобщей индустриализации земного шара и полетов людей в космос, он хотел такого фундаментального научно-технического и духовного переворота, который поднимет человека на иной онтологический уровень, даст ему полную свободу и власть над временем, пространством и Вселенной, сделает его бессмертным и вечным. Он верил в такую утопическую возможность. В постановке подобных сверхзадач ярко проявлялся космический характер мировоззрения поэта, космическая направленность его мышления.

Как же осуществить фундаментальный переворот, качественно преображающий человека и его онтологическую основу? Помимо использования достижений научно-технического прогресса Хлебников размышлял о возможностях его осуществления на разных путях: 1) синтез всех видов знания, в том числе знаний магических и мифологических, что может открыть для человека совершенно неожиданные перспективы; 2) открытие и применение математических законов времени, которые позволят глубже понять циклический ход времени и его природу; 3) расширение информационного взаимодействия человека с миром за счет понимания языка птиц, зверей и домашних животных и за счет налаживания диалога людей с незримыми существами Вселенной при помощи заумного и звездного языка.

Важными пунктами, вокруг которых кружился хлебниковский поиск, были идея управления временем и идея множественности онтологически разных миров, где допустимы переходы между ними. Без этих идей трудно понять мифопоэтический космос, который воссоздает Хлебников в своих произведениях, и те хитросплетения, события и парадоксы, которые имеют в нем место. Сам поэт прямо не выделял указанные идеи, но по существу их подразумевал и из них исходил. Он часто задумывался над новаторской сущностью геометрии Лобачевского, которую называл «тенью чужих миров»⁷. В нем сформировалась мысль о том, что существуют многие миры с неземной геометрией пространства, с иным ходом времени и своими законами, причем не где-то далеко, а рядом с земным миром, в каких-то иных измерениях. Окончательно эта мысль укрепилась, когда он познакомился с теорией относительности Эйнштейна. Хлебников полагал, что математика, включающая в себя мнимые, иррациональные и комплексные числа и абстрактное построение всевозможных пространств, вполне может служить универсальным средством постижения многомерного Космоса и его разнообразных миров.

На мой взгляд, творчество поэта можно рассматривать как своего рода литературно-поэтический и философско-математический отклик на неевклидову геометрию и теорию относительности. Он ухватился за то, что время можно рассматривать как четвертое измерение пространства, и стремился «опространствить» само время, представить его как особую реальность, где можно двигаться в разных направлениях.

В декларации футуристов «Труба марсиан», написанной Хлебниковым от лица союза молодых изобретателей, звучит такой призыв: «Мы зовем в страну, где говорят деревья, где научные союзы, похожие на волны, где время цветет как черемуха

Велимир Хлебников. 1913

⁴ Хлебников Велимир. Утёс из будущего: Проза, статьи. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1988. С. 230.

⁵ Хлебников Велимир. Творения. С. 134.

⁷ Хлебников Велимир. Утёс из будущего: Проза, статьи.

и двигает как поршень, где зачеловек в переднике плотника пилит времена на доски и как токарь обращается со своим завтра»⁸. Власть над временем дает власть над жизнью и смертью, над ходом истории, а распил времени на части открывает невероятную возможность сразу оказаться в разных исторических эпохах. Отсюда вытекает идея путешествия во времени. Прошлое, Настоящее и Будущее сосуществуют одновременно, но только если дробятся и оказываются в разных измерениях и плоскостях, которые, пересекаясь, могут переходить друг в друга. Они образуют онтологически разные миры, и возможны встречи и беседы людей разных исторических эпох. Например, в сверхповести «Дети Выдры» у Хлебникова общаются между собой Ганнибал, Сципион, Святослав, Пугачев, Ян Гус, Ломоносов, Коперник и еще несколько других исторических личностей. «Колумб новых поэтических материков», как называл его Маяковский, Хлебников стремился быть всевремянином, хотя называл себя будетлянином. Велимир желал видеть жизнь и историю с надвременной точки зрения.

От каменного века (поэма «И и Э»), Древнего Египта (повесть «Ка») до отдаленного будущего (футуристические зарисовки «Лебедия будуще-

го», «Радио будущего») простирается взгляд поэта. Ракурс воззрений Хлебникова чрезвычайно широк. Он демонстрирует огромную эрудицию, знает мифы самых разных племен и народов, особенности культурного многообразия множества стран, где происходят события, описанные в его произведениях. Максимализм Хлебникова объясним, поскольку он хочет «...увидеть весь человеческий род и узнать, свойственны ли волнам его жизни мера, порядок и стройность» Он ставит задачу математически понять историю во всемирном масштабе. Полагая, что время циклично и идет по кругу, Хлебников вывел свои математические законы времени и начертил так называемые Доски судьбы.

Не забывал Велимир и о многообразном животном мире Земли, к которому относился с уважением, ну а к домашним животным, лошадям, коровам, собакам, а также птицам – просто с большой любовью. Хлебников не сомневался в интеллекте животных и думал об ответственности, которую несут за них люди, он заявлял о «конских свободах и равноправии коров» и мечтал о том времени, когда люди научатся синтезировать искусственную пищу и перестанут есть мясо животных и растения 11.

⁸ Хлебников Велимир. Утёс из будущего: Проза, статьи. С. 200.

⁹ Там же. С. 156.

10 Хлебников Велимир. Творения. С. 289.

Хлебников часто думал о причине числовых гармоний, о глобальной гармонии Вселенной. Он приходил к выводу о существовании мирового сверхчеловеческого разума, скрывающегося за этими гармониями:

Я верю: разум мировой Земного много шире мозга И через невод человека и камней Единой течет рекой, Единой проходит Волгой¹².

В то же время он считал, что не все подвластно даже мировому разуму и в мире действуют могучие иррациональные силы, вовлекающие человека в свою игру. Велимир нередко чувствовал себя участником игры мистических сил, и его посещали соответствующие видения, то ли во сне, то ли наяву, что нашло отражение в драматических произведениях «Чёртик», «Маркиза Дэзес», «Ошибка Смерти», повести-мистерии «Ка», а также в сверхповестях «Дети Выдры» и «Зангези».

Бытие представлялось Хлебникову вращающимся Колесом жизней и смертей, перевоплощений и воскрешений, которые проявляются в самых разнообразных формах, исчезая в одном онтологическом мире и рождаясь в другом. Человек как сверхсложное существо, имеющее в себе целую иерархию живых структур, должен занимать в этом Колесе соответствующее место. Размышляя о природе человека, поэт выдвинул гипотезу, что в нашем теле живут многие «Я», образующие сообщество, своего рода «государство». В стихотворении «Я и Россия» об этом говорится так:

Гражданки и граждане
Меня – государства
Тысячеоконных кудрей толпились у окон.
Ольги и Игори,
Не по заказу
Радуясь солнцу, смотрели сквозь кожу...¹³

Но что происходит с этим сообществом многих «Я» после смерти человека, при распаде его тела? В соответствии с представлениями Хлебникова сообщество не погибает, а рассеивается, образуя двойников умершего человека в онтологически иных мирах. Такая схема посмертного человеческого существования выглядит фантасти-

ческой. Стремясь сделать ее более правдоподобной, Велимир подводил под нее математическую основу. В прозаическом отрывке «Скуфья скифа» автор, приписывая людям свои числа, наделяет их отрицательными знаками и извлекает из них квадратные корни. Получаются мнимые числа, которые, возможно, выражают собой двойников, принадлежащих онтологически иным мирам¹⁴.

Однако любые варианты посмертного существования человека не отменяют трагического характера смерти, которую Хлебников называл чумой. Он считал, что людям пора прекратить воевать между собой, им надо объединиться в одно великое войско для борьбы с общим врагом – смертью. По существу, Хлебников здесь занимает ту же позицию, что и Николай Федоров, неутомимый проповедник воскрешения всех поколений людей и объединения человечества в братство борьбы со смертью.

Вселенная – не только пространство жизни, но и безбрежный океан энергии, ее неисчислимых вибраций, часть которых воспринимает человек, будучи сам генератором определенных энергетических колебаний. Называя себя «художником числа», «великим числяром», поэт ставил важнейшей целью своего творчества отразить в числах гармонию Вселенной, многообразие ее циклов, волн пульсаций и вибраций, включая ритмы жизни, истории и человеческого языка. «Законы мира совпадают с законами счета»¹⁵. Он онтологизировал числа, рассматривая их как основу всего сущего:

И ум, и мир, как плащ, одеты На плечах строгого числа¹⁶.

Каждая волна Вселенной имеет свою длину, частоту, энергию и может быть выражена в однозначной числовой форме. Хлебников считал, что судьба любого человека тоже имеет свою волну и может быть вычислена. И если люди научатся вычислять свою судьбу по ее волновым параметрам, то они смогут на нее воздействовать и даже ею управлять.

Он настаивал на том, что язык надо рассматривать не только как социокультурный, но и как социоприродный феномен, его тоже можно выразить математически, поскольку «...слова суть лишь слышимые числа нашего бытия»¹⁷. Ключи к разгадке многих древних человеческих тайн спрятаны в языке и путях его формирования. По-

¹¹ См.: Хлебников Велимир. Утёс из будущего: Проза, статьи. С. 137.

¹² Хлебников Велимир. Творения. С. 378.

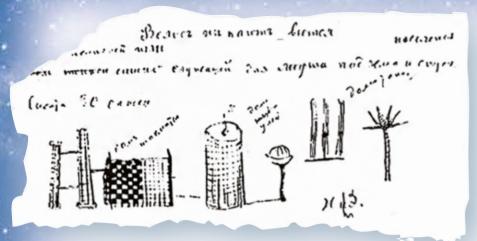
¹³ Там же. С. 149.

¹⁴ См.: Там же. С. 540-541.

¹⁵ *Хлебников Велимир*. Утёс из будущего: Проза, статьи. С. 145.

¹⁶ Хлебников Велимир. Творения. С. 100.

¹⁷ Хлебников Велимир. Утёс из будущего: Проза, статьи. С. 150.

Архитектурные рисунки Велимира Хлебникова

нять язык можно в контексте вибрационно-волновой картины Вселенной. «По-видимому, язык так же мудр, как природа, и мы только с ростом науки учимся читать его... Мудростью языка давно уже вскрыта световая природа мира... Сквозь нравы сквозит огонь» 18.

Хлебников полагал, что моральные нормы озарены высшим светом, а человек может пониматься как волновое световое явление. Любопытно отметить, что Велимир применил к человеку то, что физики потом назвали корпускулярно-волновым дуализмом элементарных частиц. Парадоксально основываясь на языкознании, он сделал вывод о волновых свойствах человека и возможности его перехода в лучи света. Конечно, человек не микрочастица, в вещественном плане он скорее макроскопическое тело, но параллели этих представлений Хлебникова с открытиями в области микромира все-таки напрашиваются.

Я не буду детально останавливаться на его словотворческих экспериментах, проектах заумного и звездного языка. Это большая самостоятельная тема. Выделю только аспекты, важные с точки зрения космизма.

По мнению Хлебникова, для базисных звуков человеческого языка необходимо создать упорядоченную структуру, подобную Периодической системе Менделеева. Это открывает путь к универсальной азбуке и общечеловеческому языку – существенному, с точки зрения поэта, фактору объединения народов Земли в одну принципиально новую цивилизацию. Замыслы Хлебникова выходили за пределы человеческой природы, он искал код связи, делающий возможными языковое общение как с земными животными и птицами, так и с жителями иных миров. Иначе говоря, его лингвистические изыскания и эксперименты несли в себе космическую направленность.

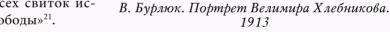
Он творил свой заумный и звездный язык и вкладывал его в уста героев своих произведений, например в уста богов из сверхповести «Зангези». Иррациональное начало у поэта выходило на передний план. Заумный язык (то есть язык, выходящий за пределы ума) нельзя создать на основе обычных законов логики, правил грамматики и других общепринятых норм. Хлебниковская заумь – результат

глубокого вдохновения и интуитивного озарения.

Поэт искал гармонию между рациональными и иррациональными корнями человеческих знаний. Он стремился к такому интегральному типу знания, который Л.В. Шапошникова назвала метанаучным¹⁹. В метанаучной системе познания рациональные и иррациональные способы обретения новой информации не отрицают, а дополняют друг друга, здесь художественно-эстетическое и научно-теоретическое, идеально-ценностное и материально-эмпирическое каким-то образом согласуются между собой и обретают единую гармонию. Конечно, Хлебников такой системы не создал (это сверхсложная задача!), но осознание ее необходимости и попытки синтеза самых разных знаний, начиная от мифологических и заканчивая самыми современными, цивилизационными, присутствуют в его статьях и некоторых прозаических произведениях. Хочу подчеркнуть, что иррациональное следует трактовать не как антиразумное и безумное, а как внеразумное или сверхразумное.

Древность таит в себе множество тайн. Ученые до сих пор спорят и не могут понять, как древние народы строили свои культовые сооружения, пирамиды и храмы, из каменных глыб весом в десятки и сотни тонн – ведь это трудно сделать даже сейчас, при наличии мощной подъемной техники. Складывается впечатление, что люди далекого прошлого умели управлять силами тяготения и делать тяжелые предметы практически невесомыми. Хлебников в это верил и считал, что наши потомки восстановят утраченные умения. Поэт верил и в магическую силу поэзии, созданной прежде всего на новом, «самовитом» языке. Он обращал внимание на то, что народные заговоры и заклинания во многом сотворены именно на таком непривычном, заумном языке, и хотя народ не понимал и не понимает такого языка, «...этим непонятным словам приписывается наибольшая власть над человеком, чары ворожбы, прямое влияние на судьбы человека. В них сосредоточена наибольшая чара»²⁰.

Во времена Хлебникова не было понятия информации, и, мне кажется, ему этого явно не хватало. Эту нехватку он восполнял понятиями волны, струны, числа, света, звука, несущими в себе метафизические смыслы, свидетельства и знания. Постоянно обращаясь к звездам и используя звездную символику, поэт осознавал всю важность информации, получаемой из Вселенной. Он подчеркивал, что «понять волю звезд - это значит развернуть перед глазами всех свиток истинной свободы»²¹.

Версию космизма, развиваемую Хлебниковым, можно назвать ми- им энергия выйдет из-под контроля. Одно из стифопоэтической, философско-математической (неопифагорейской), лингвистической (языкотворческой). Но в первую очередь его космизм носит футуристический характер. В своих произведениях Хлебников нарисовал ряд картин, выражающих грядущее преображение жизни человечества. Что в этих картинах прежде всего обращает на себя внимание? Во-первых, то, что главной сферой жизнедеятельности потомков стали небо, воздушное пространство и крыши домов. Научившись обретать невесомость, люди буквально шагают по воздуху, среди облаков занимаются своими делами. Во-вторых, архитектура будущего для Хлебникова – это зеркальностеклянные дома-небоскребы, устремленные вверх. Какие только архитектурные формы он не предлагает! Дома-мосты, дома-книги, домапароходы, дома-чаши, дома-качели... В-третьих, потомки предстают в виде сообщества, которое в первую очередь ценит духовные достижения,

научные знания, информацию обо всем происходящем на земном шаре и за его пределами, они живут в мире, где налажена и эффективно работает всеобщая система коммуникаций. Хлебников писал о мировом Радио как великом объединителе человечества и универсальном средстве доставки новостей в любую область планеты. Он пы-

> тался представить разные способы передачи, получения и использования информации - «тенекниги», «небокниги», «искрописьма». Некоторые его предсказания сбылись. Это касается прежде всего телевидения («радио для глаз») и Интернета.

> Поэт строил оптимистические прогнозы будущего человечества, однако, с другой стороны, он не исключал катастроф, стихийных бедствий и даже нового Всемирного потопа и повторения того, что произошло с Атлантидой²². Он допускал возможность самоуничтожения человечества, если используемая

хотворений заканчивается так:

Я расскажу, что вселенная – с копотью спичка На лице счета.

И моя мысль – точно отмычка

Для двери, за ней застрелившийся кто-то... ^{23}

Хлебников понимал, что человеческое благополучие не гарантировано, за него предстоит постоянно бороться и неустанно трудиться, достигая новых вершин безопасного жизнеустройства. Нет сомнений в том, что его художественное и идейно-теоретическое наследие актуально, востребовано и нуждается в дальнейших исследованиях. Поэт дерзновенных устремлений и неподражаемой оригинальности продолжает оставаться одним из светил русской литературы и культуры. Есть у него и своя звезда в небе. В честь Хлебникова названа малая планета 3112 Велимир, открытая астрономом Н.С. Черных в 1977 году.

¹⁸ Хлебников Велимир. Утёс из будущего: Проза, статьи. С. 220.

¹⁹ См.: Шапошникова Л.В. Космическое мышление и новая система познания // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века. Материалы Международной научно-общественной конференции. 2003: В 3 т. Т. 1. М.: МЦР, 2004.

²⁰ Хлебников Велимир. Утёс из будущего: Проза, статьи. С. 230–231.

²¹ Там же. С. 228.

²² См.: Там же. С. 196.

²³ Хлебников Велимир. Творения. С. 171.